

**ГАЛИНА ТИМОШЕНКО
ЕЛЕНА ЛЕОНЕНКО**

КОЛЛЕКЦИЯ НЕДОРАЗУМЕНИЙ

УГОЛ ОТРАЖЕНИЯ

Галина Тимошенко

**Коллекция недоразумений.
Угол отражения**

«Издательские решения»

Тимошенко Г.

Коллекция недоразумений. Угол отражения / Г. Тимошенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901048-3

Компания давних друзей отправляется в автомобильное путешествие, собираясь добраться до Мюнхена и всласть повеселиться на знаменитом Октоберфесте. Но неожиданно для всех путешествие превращается в кошмарный квест. Но для всех ли друзей это превращение так уж неожиданно?..

ISBN 978-5-44-901048-3

© Тимошенко Г.
© Издательские решения

Содержание

20 августа 2014 г., Москва	6
14 сентября 2014 г., Москва	9
Лето 1996 г.	13
16 сентября 2014 г., трасса Москва – Брест	16
17 сентября 2014 г., трасса Брест-Берлин	19
17 сентября 2014 г., Москва	28
18 сентября 2014 г., трасса Брест-Берлин	31
18 сентября 2014 г., Буркау	34
18 сентября 2014 г., неподалеку от трассы Брест-Берлин	36
18 сентября 2014 г., Буркау	38
Осень 2001 г., Москва	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Коллекция недоразумений. Угол отражения

Галина Тимошенко

Елена Леоненко

© Галина Тимошенко, 2019

© Елена Леоненко, 2019

ISBN 978-5-4490-1048-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

20 августа 2014 г., Москва

Чемодан, стоявший в прихожей, был чемоданом, достойным во всех отношениях: добротным, вместительным, явственно намекавшим на наличие у его владельца и вкуса, и статуса. Однако Егор взирал на этот во всех отношениях достойный чемодан весьма неприязненно. Впрочем, сегодня все вызывало у Егора неприязнь: и кофе, который вопреки обыкновению приходилось пить без сливок по причине весьма раннего пробуждения, и сам факт такого пробуждения, и доносившееся из спальни Машкино мурлыканье... Как на грех, все подтверждало, что сегодня любимая женщина уезжает на целых четыре месяца – и самое отвратительное состояло в том, что ее-то как раз этот отъезд очень радовал.

...Несколько месяцев назад Машка получила очень соблазнительное предложение поучиться в Мюнхенском техническом университете каким-то решительно непонятным для Егора компьютерным штукам. Во всяком случае, он делал вид, что ему абсолютно недоступны премудрости, в которых его подруга чувствует себя, как рыба в воде. Была у них такая взаимовыгодная игра: Машка не рвалась овладевать хотя бы первичными медицинскими знаниями, как полагалось бы порядочной невесте успешного хирурга, а Егор закатывал глаза, когда слышал насчет «апгрэйда», «тулов» и «багов». Игра давала каждому из них дополнительные причины восхищаться друг другом, и потому конца ей не предвиделось.

В общем, Машка, конечно же, согласилась (правда, Егор сильно подозревал, что она даже не задавала себе вопрос, стоит ли на такое заманчивое предложение соглашаться, а просто в ту же секунду радостно завопила «Когда?!»), и отъезд на долгожданную стажировку должен был случиться именно сегодня. К перспективе четырехмесячной разлуки Машка относилась весьма философски – в отличие от Егора, который не был так уж уверен, что готов к подобным жертвам. Тем не менее, деться ему было некуда, и сейчас он сидел на краю кухонного стола с кофейной чашкой в руках, скорбно рассматривая через открытую дверь готовый к европейскому путешествию Машкин чемодан.

Машкино мурлыканье внезапно затихло, и на пороге возникла она сама с возмущением на лице:

– Силаков, а мне кофе? Или ты уже сварил, и теперь он тихо стынет, пока я крашусь?

Егор срочно принял безразличный вид, но было уже поздно: Машка засекала его горестный взгляд.

– Ну и чего ты опечалился, старче? – весело спросила она. – Ну да, чемодан. Я уезжаю сегодня, ты в курсе?

– Да в курсе я, в курсе, – проворчал Егор, направляясь к любимой кофемашине. – Чего я буду варить заранее? Ты ж у нас на выданье собираешься, я думал, что ты еще полчаса одеваться-краситься будешь. Как-то ты несерьезно отнеслась к этому процессу, тебе не кажется?

По Машкиному виду трудно было сказать, что она отнеслась к этому процессу несерьезно, поэтому она не удостоила вниманием выпад скорбящего Егора. Она попросту уселась на край стола, с которого Егор только что сполз, и стала благосклонно наблюдать за процессом. Внезапно ее осенило:

– Слушай, хирург, а ты когда-нибудь бывал на Октоберфесте? Как-то это прошло мимо моего сознания.

К этому моменту кофемашина уже покончила с увертюрой перемалывания зерен и перешла к теме журчания ароматной струйки.

– Не бывал. Ты же знаешь, я насчет пива не очень... – тут до Егора дошел смысл Машкиного вопроса, и он несколько воспрянул духом. – А что, это мысль! Он ведь в выходные проходит?

Машка презрительно фыркнула:

– В выходные! Да он больше двух недель идет, темень ты непросветленная!

Егор преподнес ей вкусно дымящуюся чашку в красно-зеленую клеточку, пристроился рядом и чмокнул Машку в макушку:

– Я всегда говорил, что ты у меня умница.

Машка с невыносимо томным видом поправила роскошный беспорядок своей кудрявой гривы, которую якобы катастрофически разрушил Егор, и высокомерно заявила:

– Это не нуждается в подтверждении, знаешь ли, – не выдержала, прыснула, звонко поцеловала Егора в ответ и продолжила: – В общем, я там все разужнаю подробно, ты приедешь, и мы обопьемся пива, да?

– А когда они там пиво пьют? – прогудел Егор, перебирая Машкины волосы губами.

– Я же и говорю, мгла беспросветная, – безнадежно вздохнула Машка. – В конце сентября. Это же как-то там с созреванием хмеля связано, – задумалась и осторожно уточнила: – Кажется...

Егор прикинул, что получит возможность лицеизреть свою беспокойную подругу через месяц, и поинтересовался:

– А в октябре и ноябре у них, случайно, ничего похожего не празднуют?

– А что, ты без официального повода к любимой женщине приехать не можешь? – возмутилась Машка, глянула на часы и взвизгнула: – Але, гараж, я скоро уже никуда не полечу! И не будет тебе никакого Октоберфеста!

...Конечно, они приехали в аэропорт за час до того времени, когда было бы уже поздно. Машка все время вертела головой, пытаясь высмотреть своего начальника, с легкой руки которого она отправлялась в Мюнхен. Поскольку Егор никак на это не реагировал, она попробовала обидеться:

– Тебя вообще никак не беспокоит, что я так страстно ищущ другого мужчину, который обещал меня проводить?!

Наконец-то у Егора появилась возможность отыгаться, и он мстительно заявил:

– То есть совершенно. Какой смысл ревновать тебя к гению?! Ты же не можешь претендовать на его мужское внимание, жалкая программистка...

– Я – программистка?! – взвыла Машка и с размаху треснула Егора по спине. – Я софтвер-инженер!

– Все, все, молчу, характер мягкий, – дал задний ход Егор. – Ты адрес материнной сестрицы взяла?

– Ты меня уже третий раз спрашиваешь! Я вообще не понимаю, как тебе удастся у одного человека отрезать только один аппендикс, – сердито буркнула Машка.

Мать Егора, царственная Марта Оттовна, была из поволжских немцев, и у нее имелась какая-то очень многоюродная сестра, со времен третьей волны эмиграции живущая в Германии. Марта Оттовна с недавних пор питала трепетную слабость к Машке и искренне полагала, что Егор только по какому-то божественному недосмотру мог выбрать такую чудесную девушку: по ее мнению, Машка могла претендовать как минимум на младшего британского принца – того, который пока еще оставался бесхозным. В знак благодарности за столь высокую оценку Машка даже согласилась съездить в Баутцен, где обреталась многоюродная сестра, – если, конечно, ее стажировка позволит ей иметь хоть какие-нибудь выходные дни.

Сергей, Машкин начальник, все-таки появился – как раз перед тем, как Машка собиралась скрыться в запретной для провожающих зоне. С Егором он был знаком практически с самого начала их отношений с Машкой. Собственно говоря, именно Егор, сам того уж точно не желая, оказался катализатором решения Сергея отправить Машку на злосчастную стажировку. Один его давний разговор с Сергеем – мастером задавать точные вопросы – неожиданно подтолкнул того к мысли, что Машка, пожалуй, вполне созрела для карьерного роста. Трудно было понять, что именно в том разговоре могло пробудить у Сергея подобную мысль, но Егор

с тех пор усиленно старался доказать Машке, что это ему она обязана исполнением своей давнишней мечты. Дескать, Сергей решил, что раз Машка оказалась способна привлечь внимание такого мыслителя, как Егор, то она, можно надеяться, и сама чего-то стоит. Правда, подобные Егоровы умозаключения почему-то не казались Машке хоть сколько-нибудь убедительными.

Сергей с Машкой незамедлительно перешли на свой птичий язык, обсуждая главные задачи предстоящей стажировки, и Егор грустно начал отсчитывать последние минуты, расходуемые на бессмысленные разговоры. Наконец задачи были сформулированы, и Сергей со своей всегдашней ироничностью раскланялся и удалился. Егор подхватил тоненькую, легонькую Машку на руки и поднял ее огромные восточные газельи глазищи к своему лицу:

– Я тебя очень люблю, армянская княжна. Правда, ты это не забудешь?

Машка отчаянно помотала головой:

– Не забуду, не надейся. И звонить буду, и письма писать буду... Электронные. На обычные ты не налюбил.

Она увидела его печальные глаза и торопливо добавила:

– Шучу, шучу, хирург. Я даже скучать буду, – и честно уточнила: – Наверно. Ты билеты бронируй, а то желающих пиво пить тьма-тьмушная. За жилье отвечаю я. Все, ставь меня на место. Мне идти пора.

Егор легонько шлепнул ее по соблазнительной попке и долго смотрел вслед, пока она не исчезла в кривом коридоре.

14 сентября 2014 г., Москва

Дверной звонок истошно заливался уже целую минуту. Владислав, яростно копавшийся в набитой дорожной сумке, попытался встать, запутался в лямках лежащего рядом рюкзака, выругался и заорал:

– Народ, имейте совесть! Откройте этому идиоту, а то у нас перепонки полопаются!

Кто-то, ругаясь еще более сердито, чем только что Владислав, протоптал по коридору и открыл дверь. Оперно низкий бас Саввы торжественно возгласил:

– К праздничному столу прибыли медовый вискарь, настоящий каталонский деревенский хамон и какая-то колючая фруктовая гадость. Говорят, съедобная, но я сомневаюсь.

– Я и говорю – идиот. Кто ж хамоном виски закусывает? – пробурчал себе под нос Владислав, с трудом выпутываясь из зловердных рюкзачных лямок.

Открывший дверь Артем (как всегда, наиболее сердобольный из четверых) больше заинтересовался пресловутой колючей гадостью – судя по его комментариям, рамбутаном. Обсуждение этого загадочного деликатеса затянулось, и Владислав нетерпеливо крикнул:

– Савва, кончай сачковать! Тащите всю эту дребедень на кухню и давайте уже закончим паковаться, а?

– Ничего себе дребедень! – по-шалаяпински раскатисто возмутился Савва, уже удаляясь в сторону кухни. – Дай тебе Бог всю жизнь такой дребеденью питаться.

К общей какофонии присоединился обычно молчаливый Игорь:

– Ребята, а кто-нибудь знает, где навигатор?

Артем немедленно зашлепал по коридору в направлении Игорева голоса. Через минуту оттуда донеслись его страстные возгласы:

– Ты вообще-то его искал, несчастье ты наше? Ну вот же он, под атласами!

– Не было его под атласами, – невозмутимо ответил Игорь.

– Это под верхними не было! А до самого низа докопаться не судьба?

Владислав тяжело вздохнул и уселся на пол, озирая захламленные окрестности. Оценил масштабы оставшихся сборов, закричал, поднимаясь, и двинулся в коридор. Там валялись какие-то кроссовки и стояла огромная коробка с какими-то пакетами и бутылками. В следующей комнате царил такой же хаос, как и в той, из которой Владислав только что так позорно бежал. Посреди хаоса на полу сидели Артем с Игорем. При этом Игорь сосредоточенно морщил лоб, от чего его русский ежик смешно шевелился, а Артем увлеченно тыкал пальцами в сенсорный экран навигатора, включив в это занятие все свое невероятно подвижное смуглое лицо. Саввы видно не было, зато с кухни можно было слышать весьма выразительные звуки.

Владислав уперся руками в дверные косяки и свесился в комнату:

– Гей, славяне, а может, завтра сборы закончим, а? Вещи-то складывать можно и накануне отъезда, а пить – только сегодня. По-моему, Савва там как раз приступил к дегустации. Поможет другу?

Артем с трудом оторвался от навигатора и попытался вникнуть в услышанное. В этот момент навигатор внезапно посоветовал приятным женским голосом:

– Развернитесь при первой возможности.

Артем вздрогнул от неожиданности и изумленно воззрился на экран. Других рекомендаций не поступило. Игорь без слов поднялся с пола, все так же невозмутимо наступив на груды дорожных карт, и направился к двери. Артем сокрушенно проводил его взглядом, сунул навигатор в карман и резво вскочил.

– Идея богатая. Завтра с утречка встанем и за пару часов соберемся.

– И еще часов за шесть приведем квартиру в божеский вид, – не оборачиваясь, бросил Игорь. Квартира была его, жена, которая должна была вернуться с дачи через пару дней – тоже, поэтому его вопрос порядка в квартире волновал больше, чем остальных.

Савву они застали с мечтательным выражением на веснушчатом лице, явно вызванным восхитительным напитком, который он только что глотнул из огромной чашки с надписью «Лучше, чем ожидалось». На столе лежал хамон, нарубленный толстыми ломтями, как банальная докторская колбаса, и несколько изуродованных неумелыми руками рамбутанов.

– Когда мне говорили, что это напиток богов, я не верил. Вот дурак был! – посетовал Савва, пригубивая снова.

– Наливай всем, дурак. Хватит одному лакать, – ласково предложил Владислав, отыскивая в шкафу дополнительные чашки.

Игорь молча полез в другой шкаф, достал оттуда четыре стакана с круглым дном и поставил их на край стола. Стаканы закачались, как прозрачные неваляшки, и Артем восхищенно уставился на это зрелище. Игорь забрал недопитую чашку у Саввы, перелил остатки в один из стаканов и начал наполнять остальные. Все завороченно смотрели на становящееся все более плавным раскачивание стеклянных неваляшек.

– Слушай, а чего мы раньше никогда у тебя не пили? Из таких-то стаканов? – удивился Савва.

– А того, что его Татьяна предпочитает с тобой трезвым общаться. Правда, как и с ним самим, – объяснил Владислав, осторожно охватывая пальцами непредсказуемый стакан.

– Ну что, за путешествие? – предложил Савва, нетерпеливо поглядывая на свой стакан, манящий густо-желтой жидкостью.

– Давайте не будем частить, несолидно, – возразил Артем. – Сначала выпьем за Владьку. Ежели бы он не надумал покупать этот свой дом на колесах, никуда бы мы послезавтра и не ехали бы. Кстати, пить за будущее вообще нельзя. Что-нибудь точно не срстется.

Владислав скептически хмыкнул, но остальные солидно покивали и стукнулись стаканами. Закусили хамоном, но ожидаемых восторгов Савва не услышал: колбасной толщины ломти жевались с трудом.

– Ох, Савва, ты как пастух во дворце... Хамон – круто, а как им пользоваться, так и не выучил. Его ж прозраченько резать надо, чтобы аж рвался от грубого прикосновения, а ты... Весь кайф поломал, – посетовал Артем и спихнул со стола на пол какие-то свертки и обрывки бумаги, чтобы очистить место для реставрации благородного испанского мяса. Реставрация шла с трудом, но часть хамона спасти все-таки удавалось, и кружевные листики расхватывались прямо с ножа. На рамбутаны никто не претендовал – видимо, по причине непонятности способа употребления.

Наконец Артему надоело, и он провозгласил:

– Наливай по новой. Теперь за идею. Кстати, чья была идея-то?

Игорь основательно подумал и серьезно сказал:

– Тоже его.

– В смысле – Владькина? – для порядка уточнил Артем.

– Его, – все так же серьезно подтвердил Игорь.

Снова выпили за Владислава – теперь уже в контексте великой идеи Путешествия. Опять задумчиво пожевали хамон. Артем не унимался:

– А про Октоберфест кто придумал?

– Про Октоберфест я, – гордо сообщил Савва. – Где что попраздновать – это всегда я.

Выпили за Савву. Пожевали. Виски вроде бы быстро добирался до внутренностей, но все никак не мог добраться, поэтому диалог ограничивался тостами. На исходе первой бутылки тема разгрома в квартире и хаотического состояния предполагаемого багажа несколько померкла, и между тостами стали вспыхивать краткие разговоры.

К середине второго литра, когда беседа приобрела лирический характер, вдруг взбунтовался Артем.

– Хорошо, мужики, вот вы мне скажите: почему вы не пили за меня?

Мужики опешили. Первым собрался с мыслями Савва:

– А почему мы должны были за тебя пить?

– Вот! Вот! И я про то! Действительно, что за меня пить? – загоревал Артем. – За Савву – надо, за Владьку – надо, а я и так обойдусь, правда?

Игорь бесстрастно уточнил:

– За меня тоже не пили.

Артем не очень уверенно, но пренебрежительно махнул рукой:

– А-а, за тебя можно и не пить... Ты у нас и так серьезный и важный. А я – припёрдыш какой-то среди вас...

– Отодвиньте от него виски, – вздохнул Владислав. – Вот поэтому мы и не пьем у Игоря из этих стаканов. Слышишь, дурень?

– Да что ж ты командуешь-то все время?! – грозно спросил Артем. – Вот всю жизнь ты у нас главный! А почему, а?

И он начал загибать пальцы, с трудом отыскивая каждый последующий:

– Мы еще в детском саду на горшках вместе сидели – это раз. А ты где тогда был?

– На другом горшке сидел, – честно ответил Владислав. – В другом детском саду.

– Во-от! – торжествуя помахал Артем кулаком с поджатым мизинцем. – В другом. К нам в класс ты когда пришел? Правильно, в восьмом. Это три.

– Два, – не согласился Савва, пытаясь поймать Артемов кулак и отогнуть несправедливо загнутый третий палец.

– Пусть два, – отмахнулся Артем. – Кто у нас родители? Уче-е-ные, понял? А у тебя мама кто? Бизь-несь-мен. Вот вам и три.

– Вумен, – снова уточнил дотошный Савва. – Раз мама, значит вумен. И вообще – причем здесь родители?

– Ни при чем, – согласился покладистый Артем. – Родители – это святое, и они ни при чем. Только вы ему скажите, чтобы он не командовал. Отмазывать нас – это он умеет. И дома на колесах покупать тоже умеет...

Тут Артему пришлось прерваться, чтобы допить оставшееся в стакане виски, потому что в своем нынешнем состоянии он не был уверен в своей способности надежно установить на столе полупустой стакан с круглым дном.

– Но! – он озадаченно глянул на свою руку с тремя загнутыми пальцами, выбирая свободный, который можно было бы наставить на Владислава, обнаружил незагнутый указательный и обрадованно выставил его перед собой. – Но! Мы – команда, и мы решили, что все вместе едем в этом чертовом доме на колесах на Октоберфест и пьем там пиво. Много пива! И нечего ему делать вид...

В этот момент Савва, сосредоточенно следивший за маневрами Артемова пальца, утратил бдительность и уронил-таки свой стакан на пол. Звон осколков отвлек Артема от его гневной тирады, и Игорь воспользовался паузой:

– Так, мужики, кончай отношения выяснять. Во-первых, виски кончилось...

– Кончился, – важно поправил Савва.

– Что? – недоуменно воззрился на него Игорь.

– Виски – он. Такой волшебный напиток не может быть среднего рода.

Игорь помотал головой, восстанавливая утраченную нить сообщения, и упрямо продолжил:

– Во-первых, виски кончилось. Во-вторых, завтра куча дел, поэтому пора спать. В-третьих, до путешествия осталось... – тут возникла длительная пауза, во время которой он мучи-

тельно шевелил губами и морщил лоб, после чего торжественно сообщил: – Ровно двадцать пять часов и сорок с чем-то минут. Подвожу итог: по люлькам!

Спорить никто не стал, и через пять минут никем не погашенный свет озарял четыре тела, лежащие в разных местах квартиры прямо поверх беспорядочно разбросанных вещей...

Лето 1996 г.

...Все было именно так: Владислав пришел к ним только в восьмом классе. Тогда его мама уже более или менее выстроила свой бизнес так, чтобы он приносил не только обычные для середины девяностых годов неприятности, но и деньги – причем вторых стало существенно больше, чем первых. К тому же умерла бабушка Владика – мамина мама, были проданы две квартиры, и на вырученные деньги образовалась хорошая трехкомнатная квартира в достойном районе – на Ленинском проспекте, в одном из домов Академии наук. Соответственно, Владик перешел в новую школу и познакомился со своей будущей компанией. На тот момент верховодил в ней Савва, отличавшийся изобретательностью и незлобивым нравом. Игорю было относительно все равно, за кем идти, если ему не мешали делать то, что он хочет. Артем же, всегда легко загорающийся, был увлечен придумываемыми Саввой подростковыми авантюрами. Прочие пацаны в классе не привлекли к себе внимания Владика, и он решил костью лечь, но завоевать расположение интересной троицы.

Поначалу те отнеслись к новому однокласснику прохладно: им вполне хватало самих себя. Но постепенно возможность ездить с Владиком на их с матерью дачу – причем совершенно одним, поскольку мать удерживал в Москве бизнес, а сыну она тогда вполне доверяла – сделала свое дело. Родителям все трое, конечно, ввали, что на даче существуют под бдительным надзором Софьи Витальевны. Шансы, что вранье раскроется, были невелики, поскольку на родительские собрания та тоже не ходила, а интеллигентные родители уважали личную жизнь своих отпрысков и не решались проверить их слова у самой матери Владислава. Справедливости ради надо сказать, что образ жизни на даче они вели почти праведный: много не пили, сильно не безобразничали, к соседней реке с ее ледяной водой и быстрым течением относились с уважением.

И вот в один из таких дачных заездов случилась история, покорившая сердца троицы и стремительно выведшая Владислава в лидеры.

Одним воскресным утром вся компания собралась на рыбалку. Это занятие у них было налажено всерьез, снаряжение было солидное, в основном приобретенное матерью Владика. Правда, все четверо предпочитали почему-то банальные донки, а прочая амуниция служила скорее святому делу создания имиджа.

Вышли они из дому, как и положено основательным рыбакам, спозаранку, но по пути Владика окликнула соседка: все-таки именно он местными обитателями почитался за своего. Соседке страсть как потребовалась мужская помощь по хозяйству, а за неимением лучшего ей вполне мог сгодиться и шестнадцатилетний пацан – тем более, что Владислав довольно рано вытянулся, сменил голос и начал выглядеть много старше своих ровесников. Внимание соседки ему, ясное дело, льстило, он задержался, пообещав друзьям присоединиться к ним уже на речке.

Троица добралась до заранее облюбованного места, прочно там расположилась и раскинула снасти на полберега. Они, конечно же, и знать не знали, что уютная затока, обрамленная камышами, считалась постоянным местом местного старожилы дяди Саши – милицейского майора в отставке. Собственно говоря, они и самого дядю Сашу еще не знали. Поэтому когда тот появился и предъявил свои претензии, пацаны со всем своим шестнадцатилетним нахальством объяснили ему, по каким адресам он может теперь ловить свою рыбу.

К тому моменту, когда до берега добрался Владислав, перепалка была в полном разгаре. Артем, как самый буйный, уже успел схлопотать по шее – не так чтобы уж очень сильно, но все-таки весьма обидно. Самой же трагичной потерей были донки, в ярости выкинутые дядей Сашей в реку. Кое-как Владиславу удалось уговорить развоевавшихся мальчишек соблюсти дяди-Сашины права и переехать на другое место – не столь обнадеживающее, но тоже вполне

приемлемое. Однако пацанское самолюбие не готово было снести нанесенного оскорбления, и троица жаждала мести.

Вечером приступили к планированию ответных мер. Поначалу Владислав изо всех сил пытался убедить ребят отказаться от возмездия под тем предлогом, что у дяди Саши имелись исторические – если уж не правовые – основания для недовольства. Его усилия успеха не возымели: синяк на шее стучал в сердце Артема не слабее, чем пепел Клааса в сердце Тиля Уленшпигеля.

Отмщение было намечено на следующий день, поскольку это должен был быть понедельник, а по понедельникам дядя Саша всегда уезжал в Москву по каким-то своим надобностям и возвращался только к ночи. Во всяком случае, по словам Владислава, до сих пор происходило именно так.

В соответствии с планом ближе к вечеру пацаны незаметным для соседей образом переместились в дяди-Сашин двор и ухитрились отковырять одну из оконных защелок. С собой у них было наспех сшитое из простыней чучело в человеческий рост, набитое какой-то трухой: поселок нельзя было считать полноценной деревней, и сена в достаточном количестве в нем не нашлось. Горящий праведным гневом Артем усовершенствовал первоначальную задумку и стянул с веревки сушившиеся штаны и рубаху дяди Саши, которые по счастью пришились чучелу как раз впору.

Чучело было усажено за стол в большой комнате и украшено маской поросенка, найденной Владиславом на дачном чердаке. Для пущего эффекта из простенькой дачной люстры должны были быть вывинчены лампочки: предполагалось, что ребята затаятся под окном, дождутся возвращения дяди Саши, по звукам из дома вычислят момент, когда тот войдет в темную комнату и не сможет включить свет. Тогда они направят свет яркого фонаря в окно – прямо на сидящее чучело в свинском обличье.

Разумеется, дальше все пошло совсем не по плану. По так и оставшимся неизвестными причинам дядя Саша в тот понедельник вернулся из Москвы намного раньше – аккурат к тому моменту, когда Савва, стоя на столе, только собирался приступить к вывинчиванию лампочек.

Видимо, дядя Саша не утратил своих профессиональных навыков и по каким-то признакам заподозрил присутствие в доме непрошенных гостей, потому что в дом он вошел практически неслышно, и даже скрипучую дверь сумел открыть без единого звука. Поскольку процесс вывинчивания лампочек еще только должен был начаться, свет включился без всяких затруднений, и перед дядей Сашей была явлена впечатляющая картина: Савва на столе с задранными к люстре руками, Игорь любовно поправляет пороссячью рожицу на голове чучела, Артем делает вид, что целится из ружья чучелу в голову, а Владислав по-хозяйски расположился на диване.

– Та-а-ак, – любезно протянул дядя Саша. – Статья сто тридцать девятая. Нарушение неприкосновенности жилища. Уголовное дело, штраф или принудработы. Владик, твоя мама штраф за всех заплатит? Или улицы мести будете? Как?

Ситуация выглядела безвыходной. Не будь накануне стычки на речном берегу, все происходящее можно было бы представить обычной мальчишеской проказой – впрочем, не будь этой стычки, не было бы и самой проказы. Но в имеющихся условиях рассчитывать на чувство юмора милицейского майора было по меньшей мере наивно. Следовало ожидать, что описанное развитие ситуации имеет серьезные шансы воплотиться в реальность. В полной мере ощутили ребята и свою вину перед Владиславом, который и территориальных прав дяди Саши не нарушал, и вообще с самого начала был против этой авантюры.

Савва спрыгнул со стола и медленно двинулся в сторону открытого окна, Артем не совсем кстати отвернул воображаемое дуло от чучела и теперь целился в его прототип, Игорь с удивленным видом задрал брови к треугольному мыску русских волос на лбу. Только Владислав

какое-то время не шевелился на своем диване – точнее, на диване дяди Саши, – а потом коротко выдохнул и поднялся, глядя на хозяина.

– Хорошо, дядь Саш, договорились. Ваше право. Пусть будет сто тридцать девятая. Только тут баш на баш выйдет. У Артема синяк на шее – до завтра явно продержится. Это сто пятнадцатая. А еще сто шестьдесят седьмая – это про донки выкинутые. Может, просто разойдемся, а?

Дядя Саша ухмыльнулся:

– За знание уголовного кодекса пять, за понимание реальности – единица. Мы тут, знаешь ли, с местным участковым по пятницам пивком балуемся...

– Хиловато, конечно, не спорю. Тогда давайте по-другому.

– И как именно? – живо заинтересовался дядя Саша.

– Например, так: мы ж сейчас все вполне по-доброму сделали – учитывая-то синяк и донки. А ведь могло бы быть и иначе, правда? Мы могли бы вам где-нибудь в доме маленький такой пакетик запрятать... А потом вот его родители, – и Владислав вдохновенно ткнул пальцем в Артема, – свои связи использовали бы. Они ведь могли бы сильно обидеться за синяк, понимаете? К вам приезжают люди, делают обыск, ну и... Но мы же не спрятали! А так хотелось... – и он мечтательно закатил глаза к потолку.

Дядя Саша склонил загорелую лысину к левому плечу, как большая умная собака, немного подумал и подмигнул Владиславу:

– Молодец, мозги работают. То есть ты мне предлагаешь на выбор два варианта: или мы сейчас с миром расходимся, или я все лето торчу дома, как сторожевой пес, и караулю. При этом я понимаю, что вы практически наверняка этого делать не будете, но гарантий у меня нет. И вы на все лето имеете себе бесплатный аттракцион: майора милиции раком поставили.

Он поразмыслил еще немного – видимо, представляя себе этот аттракцион во всех деталях. Судя по всему, детали бывшего майора не очень вдохновили, и он пожал плечами:

– Ну черт с тобой. Если б вы меня обнесли – был бы смысл бодаться. А так...

На всякий случай Владислав не расслаблялся, сохраняя готовность в любой момент завопить «Атас!» и рвануть в окно. Однако оказалось, что хозяин на самом деле утратил свой воинственный пыл: он отступил от двери и проворчал:

– Нечего подоконник пачкать, валите уж через дверь.

Пацаны слегка помедлили, проверяя подлинность дяди-Сашиных намерений, потом настороженно двинулись к двери, опасливо огибая майора по максимальной траектории. Когда в комнате остался один Владислав, дядя Саша сказал:

– За находчивость отпускаю, понял, паршивец?

– Я знаю, – нахально заявил Владислав и быстро шмыгнул в дверь, провожаемый насмешливым хозяйским хмыканьем.

Надо отдать Владиславу должное, он ни словом не обмолвился о том, что всячески отговаривал остальных от операции возмездия. Трудно сказать, это ли стало главной причиной головокружительного повышения его статуса, или троицу впечатлила его юридическая просвещенность вкупе с недюжинной находчивостью и нахальством. Однако факт остается фактом: отныне Владислав не только был признан полноправным членом компании, но и стал ее очевидным лидером.

16 сентября 2014 г., трасса Москва – Брест

...Настроение у всех четверых было по-детски восторженным, хотя каждый стыдливо скрывал это от остальных: не подобало солидным успешным тридцатипятилетним мужчинам испытывать такой щенячий энтузиазм по поводу отнюдь не первой в жизни каждого из четверых поездки за границу – пусть даже и в доме на колесах, который они уже привыкли с европейским шиком именовать «кэмпером». Как водится, присели на дорожку и посмотрели друг на друга: не требуется ли сказать что-нибудь достаточно торжественное и напутственное? Первым не выдержал лишенный сентиментальности Игорь: он встал и молча пошел проверять состояние квартиры после двухдневных сборов. Вернулся и скомандовал:

– Чего сидим? Время!

Когда «кэмпер» вырулил со двора на проспект, Игорь, сидевший рядом с Владиславом, вдруг заорал благим матом. Сидевший за рулем Владислав сперва недоуменно глянул на него, потом оглянулся на разместившихся сзади Артема и Савву, и грянул общий восторженный хор.

...До Можайска домчали довольно быстро: в такую рань основная масса автовладельцев двигалась по направлению к Москве. По дороге все, не занятые дорогой, возбужденно обсуждали достоинства «кэмпера». Больше всего каждого из них радовала возможность самому посидеть за рулем авто-чуда: сообразительный Владислав выбрал такую модель, которая позволяла управлять собой, имея всего лишь обычную водительскую категорию «В». Конечно, они и сразу после покупки излазали автодом вдоль и поперек, но сейчас в полном упоении повторяли экскурсию снова и снова: валялись на кроватях, включали кран крохотной кухонной раковины, распахивали какие-то вещи по встроенным шкафчикам, метя территорию... В конце концов даже флегматичный Игорь не утерпел и полез назад, оставив Владислава в гордом одиночестве: ему тоже не терпелось присоединиться к общей вакханалии.

За Можайском Савва отметил еще одно неоспоримое достоинство «кэмпера»: пассажирам не требовались остановки по естественным надобностям. Выйдя из туалета, он издал победный трубный рев.

– Так мой кот орет, когда из своего туалета вылезает, – не преминул ехидно прокомментировать Артем. – То ли хвастается, то ли облегчение празднует. Ты-то по какому конкретно поводу орешь?

Когда зашипела первая открываемая бутылка пива, Владислав недовольно обернулся:

– Кончай, братва! Мы же договаривались: пить начинаем только за границей. Вам нужны проблемы с таможней?

– Да какие проблемы, дружочек?! Я тебя умоляю, – примирительно зарокотал Савва. – Это же таможня, а не наркоконтроль. Или я не прав?

Владислав ударил по тормозам, вызвав острое недовольство у идущего следом дедка на дряхлой «Ниве», и грозно развернулся в салон:

– Допиваете эту, и все. Уговор есть уговор!

Артем уныло пробурчал себе под нос:

– Так, испытание водительской властью наш юрист не выдержал... Все, все, молчу! Ведем грустный и трезвый образ жизни до самого вечера.

На какое-то время повисла обиженная тишина, но потом компания снова начала молодеть на глазах, постепенно приближаясь к состоянию первоклашек на большой перемене.

Когда въехали в Белоруссию, на дорогу вдруг обрушился жуткий ливень, и Владислав сбавил ход. Шоссе было, конечно, попримичнее российских, но кое-где под толстым водяным ковром все-таки таились немаленькие ямы, и он тихонько брался сквозь зубы.

Артем решил воспользоваться ситуацией:

– Влад, передохнуть не хочешь? – невинно завел он. – Давай я пока поведу, а?

– Завтра поведешь, отвяжись, – буркнул Владислав.

– Отстань от него, – посоветовал Игорь. – Мальчик наиграется и даст тебе за руль подержаться. Ему ж, считай, только что новый велик подарили.

Еще через пару часов все утомились и разлеглись на кроватях с блаженными физиономиями. Владислав, увидев в зеркале заднего вида это лежбище сытых котиков, усмехнулся и сделал резкий маневр – так, что народ посыпался с коек на пол.

– То-то, – назидательно произнес он под аккомпанемент возмущенного бормотания. – Нечего расслабляться.

...До брестской таможни добрались только к вечеру. Пока бегали по приграничным домишкам – где печать поставить, где квитанцию оплатить, – почти совсем стемнело. Над крышей таможенного терминала по сизому небу разлегся ярко-оранжевый росчерк длинного кривого облака, и Савва, как главный эстет компании, восторженно начал фотографировать. Он даже пропустил момент, когда вереница ожидающих автомобилей очередной раз встрепенулась и продвинулась вперед на несколько машин. Их «кэмпер» начал досматривать молодой хмурый поляк, и Савва, спохватившись, залез в автомобиль.

Владислав деловито общался с поляком, быстро ориентируясь в том, когда надо показать багаж, а когда – документы. Игорь пихнул Артема в бок, кивнул на Владислава и скорчил уважительную гримасу.

– Да ладно! – отмахнулся Артем. – Понтярщик. Нечего ему потакать.

Тем не менее, процедура досмотра действительно прошла в хорошем темпе, и вскоре Владислав, повинаясь ленивому взмаху таможенной длани, двинулся по извилистой дорожке навстречу европейским прелестям.

Когда справа от дороги показался щит с перечнем разрешенных на разных дорогах скоростей, все четверо снова, не сговариваясь, радостно завопили. Путешествие начиналось.

– Навигатор включать? – с детским нетерпением поинтересовался занявший штурманское место Савва.

– Зачем? – досадливо мотнул головой Владислав. – Сейчас едем прямо километров сорок до Бялы Подляски. Парковка рядом с шоссе. Слушай, отстань от меня, а? Ты же сам все знаешь! Сто раз проговаривали.

Савва надулся и уставился в окно. Мимо мелькали уютные маленькие домики. Каждый второй звал припозднившихся путешественников остановиться на ночь или хотя бы поесть. Савва обернулся к остальным:

– Слушайте, пейзаж-то вполне российский, да?

– Ну да. Только понаряднее и почище, – отозвался Игорь, тоже не отрывавшийся от окна.

– И дорожных знаков раза в два больше, – добавил Владислав, не отрывавший глаз от дороги. – Разрешенная скорость меняется каждые пять километров.

Конечно, каждый из них не раз бывал в Европе и раньше, но границу они при этом пересекали на самолете. Сейчас же они чувствовали себя не столько туристами, сколько почти что местными жителями: им предстояло прокатить по европейским дорогам в общей сложности около трех тысяч километров, существуя в точности так же, как все прочие европейские водители. К тому же целый день безделья неожиданно утомил их, а ящик пива и несколько бутылок с более крепким содержимым привлекали все сильнее.

Через полчаса Артем не выдержал:

– Слушай, тут ограничение пятьдесят километров час! Чего ты тащишься меньше сорока?!

– Того! – огрызнулся Владислав. – А если у меня спидометр расходится с их приборчиками?

Часам к десяти добрались до Бялы Подляски, отыскиали место на парковке и вышли – и размяться, и подышать польским воздухом. Окрестности несколько разочаровали: вполне

привычные поля, а через дорогу – сумрачно пригорюнившийся ввиду позднего времени суток торговый центр. Словом, пересечение границы прошло весьма буднично и воображение никак не взбудоражило. Это следовало срочно исправить, и начался заранее запланированный пир. Вначале благопристойный, с деликатесами и тостами, он, впрочем, быстро перешел в хулиганский формат: пиво и коньяк начали употребляться попеременно, а потом попросту стали смешиваться на манер убойных флотских коктейлей.

Первым отключился Владислав, так до последнего и не пожелавший признаться в том, что устал и от дороги, и от некоторого трепета перед местными правилами и дорожными полицейскими – правда, скорее воображаемыми, потому что никаких признаков их существования в польской природе путешественникам обнаружить не удалось. Дольше всех держался Игорь. Под конец он даже сумел выбраться на свет божий и немного погулять перед сном, но отходить далеко от «кэмпера» не рискнул, не будучи вполне уверенным в своей способности найти обратную дорогу. В конце концов он, повоевав некоторое время с автомобильной дверью, все же ухитрился вернуться на базу и, не мудрствуя лукаво, улегся поверх неподвижных тел Саввы и Артема, разместившихся поперек двуспальной койки.

17 сентября 2014 г., трасса Брест-Берлин

...Артем с трудом продрал глаза, с еще большим трудом поднял пудовую голову, поморщился и огляделся. Где-то в ногах смачно храпел Игорь. Савва закатился в самый угол комнаты (или внутреннее пространство «кэмпера» следовало именовать кабиной?) и посапывал там сладко, как набегавшийся за день малыш. Владислав скорчился на краю кровати, непонятно как удерживая на весу большую половину тела.

Голова упала на подушку, вызвав общее возмущение в измученном бурной ночью организме. Артем с горя попытался было снова заснуть, но природа не позволила: явно требовалось встать и поскорее добраться до туалета.

После умывания несколько полегчало, хотя вид троих продолжавших безмятежно дрыхнуть мужиков вызывал сильное раздражение. Артем решил проветриться и выбрался наружу.

Он немного побродил вокруг «кэмпера», стараясь собрать воедино изрядно потрепанную картину мира. Когда все ее фрагменты наконец-то встали на место, он даже затряс головой, силясь осознать увиденное. Зажмурился. Открыл глаза. Ничего не изменилось.

Артем рванул обратно в «кэмпер» и прямо с порога заорал:

– Мужики, подъем!

Никто не пошевелился, только затих Саввин храп.

– Подъем, я говорю!

В углу неуверенно поднялась встрепанная голова Игоря, осипшим голосом спросившая:

– Чего орешь?

– Вставай давай! Сам увидишь.

Владислав заерзал на своем краю койки, немедленно потерял равновесие и свалился на пол. Чертыхаясь, сел и наконец-то относительно осмысленно посмотрел на Артема:

– Ты что, озверел? Верещишь, как... – достаточно красочное сравнение на похмельный ум не шло, и фраза была закончена выразительным жестом.

Артем с досадой махнул рукой и снова выскочил наружу.

Когда подтянулись остальные, он все еще продолжал стоять и изумленно озираться.

Торговый центр через дорогу исчез, зато сбоку от парковки появилась заправка. Вместо полей шел широкий автобан, по которому неслись автомобили.

– Та-а-ак... – протянул Владислав. – Или я ничего не понимаю, или они явно превышают скорость.

– Да пошел ты! – окрысился Артем. – Больше ничего не замечаешь?

– Может, мы ночью не все разглядели? – неуверенно предложил версию Савва.

– Ага, не все. Зато мы все ночью прекрасно разглядели тот огромный магазин, который за ночь куда-то переехал, – возразил Игорь. Как всегда, он не то чтобы не растерялся – просто сходу принял факт изменения ситуации и начал его осмысливать.

Они погуляли вокруг «кэмпера» в надежде найти такую точку обзора, с которой бы все выглядело в точности так же, как вчера ночью. Когда это не удалось, мужчины в полном изумлении уселись на бордюр, окаймлявший веселенькую клумбу.

Вокруг по-прежнему стояли автомобили – но это было единственным, что роднило сегодняшний пейзаж с вчерашним. Заправка метрах в пятидесяти от них бурлила постоянной сменной проголодавшихся автомобилей с номерами разных стран, а за столиками неподалеку кормились люди, говорившие на разных языках. Все было мирно и весело – вот только решительно непонятно.

Первым новую внятную информацию принес Савва:

– Знаете, что написано на выезде? Аусганг. В общем, я не знаю, как это читается, но, помоему, это явно не польский. Как считаете?

– Да уж, не польский, – задумчиво протянул Владислав. – Поздравляю, господа, мы уже в Германии. Как-то слишком быстро, вы не находите?

– Какой, интересно знать, кретин вчера допился до чертиков и пригнал машину сюда?! – вкрадчиво произнес Артем.

Друзья переглянулись. Их помятый вид недвусмысленно свидетельствовал о том, что никто из них вчера на подобные подвиги был не способен. И тогда они, не сговариваясь, дружно метнулись в «кэмпер».

Через полчаса лихорадочных поисков стало ясно, что вместе с неизвестным ночным водителем исчезли все мобильные телефоны, документы, кредитные карты, наличность и навигатор. Общими усилиями по карманам удалось наскрести меньше сотни евро. Как ни странно, ключ зажигания торчал там, где ему положено, и Владислав, повернув его, тревожно глянул на указатель топлива. Как и следовало ожидать, ничего утешительного тот не показал: в баке оставалось не больше пяти литров – километров на пятьдесят.

Они молча смотрели друг на друга в тягостном молчании. Через пару минут Владислав собрался с духом:

– Подводим итоги. Варианта два: или это кто-то из нас, или какой-то залетный водила позабавился.

– Да уж, хорошо позабавился, – проворчал Игорь. – Только налом с полтысячи евро поимел...

Савву осенило:

– Мужики, а карты-то надо заблокировать! Причем срочно!

– Интересно, на какие шиши? – уныло бросил в пространство Артем.

– Да карту телефонную купим, и все. Какие проблемы? – удивился Савва. – Я не думаю, что это так дорого. Во всяком случае, в наши – сколько там? – восемьдесят евро точно впишемся.

– А бензин? – резонно возразил Игорь.

Владислав упрямо продолжал:

– Если это кто-то залетный, то возникает вопрос: на кой черт ему надо было сюда ехать? Забрал бы все, что хотел, прямо там – и ноги в руки. Или нас из «кэмпера» выкинул и уехал бы. На кой мы ему сдались-то?!

– Слушайте, а правда? – наконец-то удивился Игорь. – Зачем ему нужен был этот геморрой? А вдруг кому-нибудь из нас на горшок бы приспичило? Я встаю, скажем, а мы куда-то едем. Не знаю, как вы, а я точно протрезвел бы.

– Попро-ос, – скептически протянул Савва. – Я в себе далеко не так уверен. Я и до сих пор-то в себе не уверен. Может, это вообще белая горячка. Или, к примеру, ночная греза.

Владислав весьма ощутимо ткнул его кулаком в живот:

– Тогда просыпайся уже, а то как-то утомительно очень в твоей грезе куковать.

Савва охнул и потрясенно умолк, а Владислав неумолимо гнул свое:

– Итак, что вероятнее? Кто-то из нас забавляется или вор-путешественник катается на чужих машинах неизвестно зачем?

Вопрос надолго повис в воздухе. Наконец рискнул Савва:

– А если из нас, то спьяну или как?

– Откуда я знаю?! – обозлился Владислав.

Игорь, как всегда, невозмутимо спросил:

– А мы вообще зачем это обсуждаем? Это самый насущный вопрос? Может, лучше пойдем карту покупать и в банки звонить?

– Так не только в банки, – вскинулся Артем. – Надо ж нашим позвонить, чтоб деньги прислали.

– Позвонить-то, ясен гвоздь, можно... А как ты получать эти деньги будешь без документов?

Справедливость Игоревых слов повергла всю компанию в еще большее уныние. Ситуация начала казаться еще более безвыходной. Савва резюмировал:

– Чтобы получить деньги, нужны документы. Чтобы получить документы, надо добраться до консульства. Чтобы добраться до консульства, нужно заправиться. Чтобы заправиться, нужны деньги. Может, повесимся?

– Я тебе больше скажу: сначала надо узнать, где консульство, а для этого тоже нужны либо деньги, либо телефоны, – уточнил Артем. – Давайте лучше уьемся насмерть тем, что осталось.

– Того, что осталось, не хватит, чтобы насмерть, – оптимистично сообщил Савва.

– Кончай базар! – рявкнул Владислав. – Пошли карту покупать, а на оставшиеся деньги заправимся. Хорошо, хоть какая-никакая жрачка имеется, – и он перемахнул на водительское сидение, чтобы вытащить ключ зажигания.

Мужчины еще немного посидели, пытаясь охватить разумом всю идиотичность сложившегося положения, и с явной неохотой начали вставать. Владислав на своем сидении ерзал, зачем-то пытаясь засунуть ключ в задний карман. В конце концов непослушный ключ упал, и Владислав, от души выругавшись, полез его искать.

Вдруг из-под руля донесся его радостный вопль:

– Славяне, пляшите! Тут мои права!

Ответом ему было мрачное молчание.

Он перекинул себя обратно в салон и оглядел настороженно молчавших друзей.

– Вы чего? Что еще случилось?

– Права твои случились, – невыразительно проговорил Игорь, глядя куда-то в сторону.

– И что? – не понял Владислав.

– А почему именно твои?

– А чьи должны были быть? – зло спросил Владислав. – Если бы твои, тогда было бы понятней?

– Да нет, не понятней... Просто тогда напрягался бы ты, а не я.

– И чего ты сейчас напрягаешься? – Владислав вызывающе сунул руки в карманы и присел на край откинутого столика.

– Да как-то так... – невнятно объяснил Игорь и начал выбираться из «кэмпера». За ним потянулись и остальные. Владислав еще немного посидел, пожал плечами и тоже вылез наружу. Запер автомобиль и пошел следом за всеми.

Вошли в огромное здание, призванное изображать заправку, и, забыв обо всем, завертели головами. В центре зала располагалось большущее кафе – скорее, даже ресторанный дворик, по которому сновало около полусотни человек с подносами. По бокам стояли прилавки с сувенирами, конфетами, выпивкой и еще чем-то, не понятным с первого взгляда. За дальней стеклянной стеной виднелись столики под развесистыми разноцветными зонтами. Полукруглая лестница вела на второй этаж – хотя, казалось бы, что там еще могло располагаться необходимого для людей, которые заехали сюда просто, чтобы заправиться?!

Владислав, еще не остывший после недавней перепалки, угрюмо сказал Игорю, неожиданно оказавшемуся хранителем их несметных богатств:

– Давай деньги, я карту куплю.

Взгляд Игоря немедленно уехал вбок, и он пробормотал:

– Я сам куплю.

– С твоим английским?! – осведомился Владислав, сердито махнул рукой и пошел в сторону маленькой уютной кофейни. Глянул на цены и уселся за столик просто так.

Через пять минут к нему подошли Савва с Артемом, который тащил за руку тоненькую девушку с огромными восточными глазами и копной кудрявых волос.

– Смотри, Влад, это Мария. Представляешь, иду по залу, слышу – кто-то по-русски говорит! Она нас спасать будет!

– Во-первых, не Мария, а Машка, – с достоинством поправила девушка, – а во-вторых, обратитесь в министерство по чрезвычайным ситуациям. Тоже придумали – три здоровенных мужика и хрупкая девушка в роли Бэтмена. И вообще – можно мне обратно мою руку?

Артем смущенно глянул на свою лапищу и выпустил Машкину руку. Владислав встал и галантно отодвинул стул:

– Садитесь, соотечественница. Поскольку нас не трое, а четверо, вы будете не Бэтменом, а Констанцией. Констанцией быть согласны?

– Как-то тоже не очень, – заявила Машка и уселась за столик. – Ладно, рассказывайте, что у вас случилось.

– Мадемуазель, вы невероятно последовательны, – вступил Савва. – Впрочем, вам, как любой женщине, это только придает шарма.

Машка никак не отреагировала на нахальный выпад, продолжая вопросительно глядеть на Владислава – видимо, признав в нем жоака. Артем с Саввой тоже воззрились на него.

Владислав немного помялся, безуспешно пытаясь отыскать взглядом Игоря, который безнадежно пропал в районе кассовой стойки. Но поскольку Машка явно не собиралась отводить свой газелий взгляд, ему пришлось нехотя выдать:

– Ну... В общем, мы тут влипли немного...

– Ничего себе – немного! – возмущенно фыркнул Артем. – По самые... – он покосился на Машку и закончил: – В общем, влипли.

Машка восхитилась:

– Здорово! Все так понятно!

Очень кратко Владислав обрисовал Машке ситуацию. Внимательно выслушав печальную повесть, она подытожила:

– Теперь вам нужно много звонить. А еще – понять, что произошло, – и решительно протянула свой мобильник: – Давайте.

– Чего – давайте? – опешил Владислав.

– Звоните, – недоуменно пожала изящными плечиками Машка. – Что еще-то?

Савва поглядел на друзей и неуверенно спросил:

– Вы кому звонить собираетесь?

– Я – матери, – сказал Владислав. – Больше никому.

– А я – брату. Семейство-то мое в Португалии отдыхает, чего их дергать? Только вряд ли дозвонюсь... Он куда-то в командировку умотался.

– А какая разница?! – искренне изумился Савва. – Ты ж на мобильник будешь звонить.

– Да есть разница, – вздохнул Артем. – Когда он в командировке, то трубку почти никогда не берет. Только если поздно вечером.

– Тогда давайте я жене звякну, – предложил Савва. – Она точно в Москве.

Машка нетерпеливо сунула ему в руку мобильник и приготовилась внимательно слушать.

Савва рассеянно потыкал пальцами в экран, потом растерянно глянул на остальных:

– Не помню! Представляете, телефон родной жены – не помню... Он же в телефоне...

– Телефон родителей помнишь? Домашний? – терпеливо спросил Владислав.

– О! Влад, ты гений! – и Савва заработал пальцами шустрее.

Телефон жены нашелся, был набран, и из трубки послышалось сначала «Адажио» Альбини, а потом звучное контральто Саввиной жены Тамары.

– Томка, привет, мышонок!

Машка весело фыркнула – видимо, представив себе мышонка с таким роскошным голо-
сом.

– Слушай, Том, я не могу долго говорить... В общем, у нас тут форс-мажор. Ты не могла бы?..

Из трубки донеслись звуки отбоя.

– Черт, разъединилось... – пробормотал Савва и повторил вызов. Пошли длинные гудки, довольно быстро сменившиеся короткими.

Савва оглядел присутствующих и снова ткнул пальцем в телефон – с тем же результатом.

К концу его сражения с телефоном оказалось, что к компании присоединился Игорь, молча наблюдавший за происходящим. Когда Савва прекратил свои попытки ввиду их полной бесплодности и подвинул телефон к Машке, Игорь поинтересовался:

– Это что за телефон?

– Телефон мой, а вообще – здравствуйте! – жизнерадостно сообщила Машка.

Обескураженный Савва медленно проговорил:

– Ничего не понимаю. Что случилось-то?! Уезжал – все было в порядке. День меня дома не было – и здравсте вам, девушки!

Вдруг телефон жалобно блякнул, известив о приходе сообщения. Савва настороженно глянул в его сторону, потом просительно – на Машку. Машка, выразительно поиграв бровями, передвинула телефон к нему. Савва жадно схватился за него, открыл сообщение и прочитал себе под нос:

– «Передайте Савве, пусть не звонит. Приедет – поговорим».

– Очень информативно, – разочарованно высказалась Машка.

Внезапно Владислав спохватился:

– Бога ради, Маша, простите...

– Машка, – строго поправила Машка.

– Простите нас, невеж, пожалуйста! Я – Владислав, этот обманутый супруг – Савва. Ну что поделаешь, зовут его так. А он еще и откликается, представляете?

Машка хихикнула.

– Вот этот молчаливый товарищ – Артем. Впрочем, молчаливый он, как выяснилось, только в вашем присутствии. Таким мы его еще не знали. А этот строгий господин, забывший поздороваться – Игорь.

Артем поморщился:

– Понеслось... Маш, не обращайтесь внимания. Просто он из нас единственный не обременен семьей, поэтому вид красивой девушки пробуждает в нем самые низменные рефлексy и инстинкты.

– Ничего, пожалуйста, – царственно разрешила Машка. – Только, может, продолжим, а? А то мне ехать надо.

– Вас кто-то ждет? – демонстративно огорчился Владислав.

– Ждет. Будущая дальняя родственница в Баутцене. Мне надо сегодня все-таки добраться до нее и вернуться в Мюнхен.

– Плотный график, – покачал головой Владислав. – Это сколько же в километрах будет?

– А, ерунда. Не больше тысячи, – жизнерадостно отозвалась Машка. – В часах больше. Будущая родственница требует больше времени, чем нынешняя.

– Ничего не понял, – вытарашил глаза Артем. – Будущая родственница – это как?

– Пока она родственница моего друга, а скоро станет и моей тоже, – удивленно разъяснила Машка. – Что тут непонятного?!

– Да, действительно, – пожал плечами Владислав. – Артем, что тебе непонятно?

– Отвянь, – посоветовал Артем и обратился к Машке: – Маш, можно все-таки я попробую позвонить?

– Звоните, звоните, чтобы меня совесть не терзала, что я вас в окончательной беде оставляю.

Набрав номер, Артем необъяснимо долго вслушивался в короткие гудки, а потом сокрушенно вздохнул:

– Треплется с кем-то... Не судьба, – и, не дожидаясь Машкиного разрешения, протянул телефон Игорю. Тот с некоторым удивлением посмотрел на телефон, потом на карту, которую держал в руке... Потом все же решился и набрал номер, напряженно шевеля вздернутыми бровями.

Жена Игоря Лиза ответила почти сразу, но это мало чем помогло: выяснилось, что Игорь в суе сборов умудрился увезти с собой еще и ее кредитную карту. Это означало, что деньги, которые она могла бы перевести, в данный момент в виде пластиковой карты находятся в кармане неизвестного ночного водителя. Все, что Лиза могла бы сделать – это перевести деньги через интернет-банкинг на карту Игоря, только вряд ли в сложившейся ситуации это имеет смысл...

Игорь попытался уговорить ее занять у кого-нибудь хотя бы полтысячи евро до его возвращения в Москву. Ответные комментарии услышали все присутствующие: Игорю было популярно разъяснено, что его стараниями у самой Лизы на ближайшие две с половиной недели тоже нет денег, и чтобы кормить себя, сыновей и оставшуюся на даче Игореву тещу, она и так должна будет занимать деньги у каждого встречного-поперечного. И вообще: вы там отдыхаете? Ну и отдыхайте себе на здоровье.

Игорь стойчески дослушал гневную тираду жены до конца, успел крикнуть, чтобы она заблокировала карту, еще раз попросил прощения у гудков отбоя и смущенно оглядел друзей:

– Наверно, надо было все подробно рассказать... А то она же не знает...

– Интересно, в какую ее паузу ты смог бы впихнуть подробный рассказ? – ядовито поинтересовался Артем.

– Может, еще раз попробовать? – жалобно предложил Игорь. – Карта-то теперь есть...

– Так, спокойно! – вмешался Савва. – По карте мы будем звонить в банки. Вот если деньги на ней останутся, а ты все еще будешь готов рисковать – тогда на здоровье. Хотя я бы на ее месте тебя снова бы послал.

– Спасибо на добром слове, – угрюмо поблагодарил Игорь. – В общем, я пошел звонить в банк.

Артем двинулся следом, а Савва с Владиславом предпочли пока остаться с Машкой.

– Милая Маша... Машка, – торопливо поправился Владислав, – может, вы еще что-нибудь нам о себе расскажете?

– То есть вас не убедила моя информация о будущих родственниках? – невинно поинтересовалась Машка.

– Убедила, убедила, не волнуйтесь, – поспешно ответил Владислав. – Просто нам не хотелось бы быть наглыми пользователями вашего телефона...

– А-а-а, – догадалась Машка. – Вы хотите из вежливости поговорить о моих делах. Хорошо, сообщаю: я здесь на учебе в Мюнхенском техническом университете. Меня ждут в Москве, в Баутцене и в Мюнхене – тоже, только всюду в разное время. В Баутцене – в самое ближайшее, поэтому давайте сойдемся на том, что вы не наглые пользователи, а вежливые соотечественники, и расстанемся довольные друг другом. Так пойдет?

Мужчины ошеломленно глядели на нее. Она обворожительно улыбнулась, взлохматив обеими руками свою гриву, послала им томный взгляд и нежно пропела:

– Мальчики, удачи вам! Не скушайте!

Савва обрел дар речи только тогда, когда через стеклянную стену они увидели, как Машка с головокружительной скоростью отчаливает на потрепанном «фольксвагене».

– Вот оторва! – восхитился Савва. – Помогай Бог ее жениху. Надеюсь, он достаточно крут.

Владислав молча поднялся и подтолкнул Савву в том направлении, куда ушли Артем с Игорем.

На переговоры с четырьмя банками ушло битых полчаса. Поскольку никто из друзей, естественно, не помнил номеров своих карт, им пришлось выдержать долгие допросы с пристрастием, дабы подтвердить свои личности. Но в конце концов все уладилось, похищенные карты были благополучно заблокированы, и Игорь вознамерился было снова позвонить Лизе. Однако Владислав без объяснений реквизировал карту и отправился звонить своей матери.

На его мать друзья с самого начала возлагали наибольшие надежды: ее бизнес, успешно переживший беспредельные девяностые годы, во втором десятилетии двадцать первого века все еще оставался вполне устойчивым, хотя и не слишком масштабным. И Софья Витальевна не подкачала: Владислав сообщил, что она вышлет две тысячи евро сегодня же, но, по ее словам, банки в Германии заканчивают работу в четыре часа дня.

– Слушай, а куда она их вышлет-то? – спохватился Савва.

Владислав усмехнулся.

– Пока вы со своими банками объяснялись, я на кассе выяснил, какой город тут ближе всего.

– И какой же? – тускло спросил Игорь.

– Буркау. Тебе это что-нибудь говорит?

– Никогда не слышал.

– Ну, строго говоря, это не совсем город... Скорее, поселок. Но банк там есть.

Игорь глянул на часы:

– Ребята, а худо-бедно – времени-то уже три. Давайте заправимся и будем обедать, раз деньги все равно сегодня не светят. Заодно и поговорим обо всем.

– А на сколько заправляться-то будем? – спросил Савва. – Сейчас у нас осталось семьдесят евро. Надо ж на всякий случай и оставить что-нибудь, а то мало ли что...

– Мало ли что – это что конкретно? – угрюмо поинтересовался Владислав. – И сколько на это «мало ли что» нужно денег?

– Ну я не знаю... – растерялся Савва. – Давайте заправимся так, чтобы хватило километров на двести. Это сколько будет?

– Примерно тридцать евро, – думая о своем, пробурчал Игорь.

– Супер! У нас еще тридцать евро будет! – обрадовался Артем.

– Обожраться можно, – язвительно прокомментировал Владислав и пошел к «кэмперу», на ходу вытягивая из кармана ключи.

...Поели молча. Выбрались наружу, расстелили предусмотрительно захваченные с собой туристские пластиковые матрасики, разлеглись и закурили. Не баловавшийся сигаретами Игорь уселся спиной к остальным и начал чертить что-то пальцем на матрасе.

– Ладно, ребята, давайте решать, что делать будем, – нарушил наконец молчание Савва.

– С чем? – не оборачиваясь, бросил Игорь.

– Деньги мы завтра получаем. Дальше что? Едем в Мюнхен или возвращаемся в Москву?

– Для начала находим интернет и выясняем, где ближайшее консульство, – жестко сказал Владислав. – Что мы будем делать в Мюнхене без документов?

– Ну хорошо, – согласился Савва. – Едем в консульство, получаем какие-нибудь бумажки – а потом?

Никто не ответил.

– Чего молчите? – обозлился Савва. – Меня одного это интересует? Всем остальным все понятно?

– Все молчат, – сказал Игорь, не оборачиваясь, – потому что главное – не это.

– А что? – вызывающе спросил Савва. – Поделись истиной!

– Главное – это то, как мы здесь оказались. И никто не хочет про это говорить, потому что все знают, что права есть только у Влада.

Владислав рывком сел.

– И что?! Где были ваши права? В карманах? В барсетках? Так там он и искал! А мои под креслом валялись. Я не знаю, когда я мог их там посеять! Какой дурак будет там искать ценные вещи? Вот он и не искал! Потому и не нашел! Я здесь при чем?!

– Понимаешь, – повернулся к нему Игорь, – все так. Все логично. Но ведь кто-то вел этот чертов «кэмпер» всю ночь! Сколько мы проехали от этой Подляски?

– Ну, судя по топливу... Километров семьсот, – сквозь зубы ответил Владислав.

– Вот может мне кто-то объяснить, на хрена какому-то постороннему человеку везти четырех пьяных мужиков через всю Польшу и кусок Германии? – негромко спросил Игорь.

Владислав вскочил и нервно зашагал вокруг матрасов. Савва, благожелательно наблюдавший за его перемещениями, посоветовал:

– Ты побегай, вдруг поможет.

Владислав, не обращая на него внимания, совершил еще пару кругов и внезапно резко остановился:

– Вот слушайте. Утром никто ничего не понимал. Страшно было? Только не врите, вам было страшно. Мне, во всяком случае, было. Это всегда страшно, когда вообще все непонятно. И вы... хорошо, мы все, – поправился он, – мы начинаем искать виноватого. Даже не виноватого, нет, – мы просто начинаем искать хоть какое-то объяснение. И тут – нате вам! – мои права. Это ж хоть какое-то объяснение! Ура! Он все это и устроил! Так было? – требовательно глянул он на Игоря.

– Ну так, – нехотя согласился тот.

– А все дело в том, что мы даже представить себе не можем, зачем этот идиот протащил нас, пьяных в хлам, семьсот километров до этой гребаной заправки. Так?

– Да так, так! Ты скажи что-нибудь, чего мы не знаем! – раздосадованно крикнул Артем.

– Во-о-от! То есть если мы поймем, зачем он мог нас сюда привезти, все станет на свои места. Правильно?

Отвечать уже никто не пытался: все устало ждали продолжения.

– Короче, у меня есть версия. Конечно, мы никогда не узнаем, так ли все было на самом деле. Но хоть версия будет! И мы перестанем охотиться на ведьм. Или вам нравится на меня кидаться?

– Слушай, ты обещал короче! – не выдержал Савва.

– Излагаю. Игореха, ты говорил, что ложился последним? И еще гулял перед этим?

– Ну? Гулял, дальше что?

– Ты дверь запирал? Не водительскую, ту я сам запер еще перед тем, как мы пить начали, а главную?

– Да что я, помню, что ли? – огрызнулся Игорь. – Может, и не запирал...

– Так вот представьте: какой-нибудь... ну я не знаю, вор, бандит... в общем, человек, которого преследует полиция, оказывается на парковке, видит, как тыходишь в «кэмпер» и оставляешь дверь открытой. Он прячется в нашей машине. Сначала он просто хочет переждать. Сидит час, сидит два... Нет, двух часов у него не было – иначе он не успел бы сюда доехать. В общем, он сидит себе тихонечко. Полиция сваливает. Тогда он начинает помаленьку нас шмонать. Забирает все, что может. Мы же бревна, ничего не слышим... Слушайте, как нам вообще удалось так набраться?!

– А что? Хорошо было... – мечтательно протянул Артем.

– Да погоди ты! Когда он шарит у меня по карманам, он находит ключи от машины и решает отъехать как можно дальше от того места, где у него такие осложнения с полицией. Я не знаю, может, он просто едет, пока топливо не подходит к концу, может, у него где-то здесь

поблизости друганы живут... Короче, в результате он приезжает сюда и сваливает. Вот и все. А теперь скажите мне, почему так не могло быть.

Мужчины помолчали, осмысливая услышанное.

– Да вроде все сходится, – задумчиво проговорил Игорь. – Но нас-то он зачем с собой тащил?

– Ну не мокрушник он! – вошел в раж Владислав. – Убивать нас незачем, мы ему вообще ничем не мешаем. Мы его даже не видели! А выкидывать нас из машины – это время. Да и полиция может быть еще рядом. Зачем ему лишние сложности?

Все еще немного подумали.

– И вы еще одно поймите, – негромко сказал Владислав. – Если эта версия не проходит, нам всем придется подозревать друг друга. Потому что права – это фигня. Вы хоть одного полицейского на трассе видели? Я перед дорогой по форумам полазил – их вообще почти никто не видел. Мне, по-моему, даже ни разу не попала информация, что на дороге хоть у кого-то права проверяли.

– А это значит... – медленно продолжил Игорь, – что в принципе вести машину мог бы любой из нас. И сам по себе переезд – тоже фигня. Ну пошутил кто-то неудачно – да и черт с ним. Врежем пару раз и забудем. Но деньги и документы – это уже другое. Тут парой раз не обойдешься.

Не вставая, он протянул руку Владиславу:

– Забыли, ладно? Прости.

Владислав немного помедлил, потом тоже протянул руку. Игорь дернул его на себя, и тут же образовалась куча-мала. Хоровое мужское ржание привлекло к себе внимание окружающих: на них смотрели с улыбками и махали руками.

Всем явно полегчало, и стало возможным приступить к обсуждению планов на будущее, которое перестало выглядеть таким уж беспросветным. Было решено, что после получения денег они быстренько смотаются в ближайшее российское консульство и все-таки почтят своим присутствием Октоберфест, ибо негоже серьезным мужчинам отказываться от своих планов – даже если они только что катались щенятами по траве.

Однако, когда пришло время укладываться спать, Игорь, помявшись, сказал Владиславу:

– Слушай, а давай я ключи суну к себе под подушку, а?

Владислав кривовато усмехнулся и пожал плечами:

– Да ради Бога, бери.

Савва поинтересовался:

– Игореха, а почему ты? Может, на всякий случай какое-нибудь дежурство установим?

Артем взвился:

– Мужики, не сходите с ума! Нет никакого «всякого случая»! Спим, и все. Лично я дежурить не собираюсь.

Владислав, внимательно наблюдавший за перепалкой, достал ключи из кармана и кинул их на стол. Все замолчали и, не глядя друг на друга, стали укладываться спать. Потом Игорь встал и еще раз проверил, заперта ли дверь. Буркнул:

– Все в порядке, – и снова улегся.

Сон ни к кому не шел. Кто-то злился на жен, кто-то – на всех остальных, и всех глодала тревога: было слишком очевидно, что версия версией, но...

17 сентября 2014 г., Москва

...Егор от души ругался, заполняя бесчисленное множество каких-то бумажек, и мучительно пытался вспомнить, чему он так радовался, когда его назначили заведующим отделением. То и дело в кабинет врываются озабоченные ординаторы, бойкие медсестры или испуганные больные, отрывая Егора от этого богопротивного времяпрепровождения. Тот с удивлением вспоминал времена, когда злился на тех, кто отрывал его от какого-нибудь профессионального занятия. Оказывается, на самом деле это такое счастье...

Не отрывая глаз от очередного документа, Егор просто-таки спиной ощутил, что сейчас это счастье снова постучится в его дверь, и заранее с надеждой поднял глаза.

На сей раз счастье приняло обличье друга Андрея, с которым Егор учился в институте и потом вместе пришел на работу в институт эндоскопической хирургии, где они по сей день и спасали человеческие жизни. Только Егор за эти годы стал заведующим одним из хирургических отделений, а Андрей оставался анестезиологом: в его отделении заведующий был легендарной в медицинском мире личностью и в обозримом будущем замене не подлежал.

– Ты как насчет чтобы передохнуть? – поинтересовался Андрей, державший под мышкой шахматную доску.

– Да я-то с удовольствием... – горестно вздохнул Егор. – Вот только вся эта лабуда...

– А чего – лабуда? – удивился Андрей. – Получишь свой мат – и пиши себе на здоровье.

Егор глянул на часы: дело и правда близилось к вечеру, его рабочий день должен был закончиться часа три назад. Видимо, можно было позволить себе небольшую вольность.

Он поборолся сам с собой еще немного, потом безнадежно махнул рукой и решительно вылез из-за стола:

– А, наливай, и завтра в школу не пойдем!

Андрей, нисколько не удивившись, с грохотом высыпал шахматы на стеклянный столик в углу кабинета и начал сервировать поле грядущей битвы. Егор подсел к столику с другой стороны и задумчиво уставился на черно-желтый клетчатый квадрат доски.

– Как там твоя Машка? – между делом спросил Андрей.

– Вкалывает, как встрепанная савраска. Говорит, что у нее сто восемь рабочих часов в неделю.

– Это как? – удивился Андрей, зажимая в кулаках разноцветные фигурки.

– Да я сам не очень понимаю. У них там считают, сколько часов им нужно на выполнение каждого задания, и по итогам они заполняют какие-то общие сводки... В общем, все очень сложно. Но Машка в полном восторге. Говорит, что наше высшее образование рядом не лежало, не стояло и даже не проходило, – сообщил Егор и хлопнул Андрея по левому кулаку. Там обретался белый ферзь.

– Ну вот, как всегда, – заныл Андрей. – Одним все, другим ничего. Невеста – красавица, отделением руководит, белыми играет... И мы тут, как жалкие барсуки...

Егор сделал первый ход, и Андрей тут же умолк, уставившись на доску.

Когда фигур на доске существенно поубавилось, Андрей снова вернулся к теме Машки: новая подруга Егора с самого начала привела в восторг всех его друзей, и они проявляли почти неприличный интерес к развитию ситуации.

Егор, сосредоточенно обдумывавший сложный маневр своего коня, пробормотал:

– Представляешь, судьба балуется: Машка тут поехала в гости к моей тетушке, которая в Баутцене живет, и на заправке встретила каких-то русских оболтусов, которых обокрали и на их же собственной машине пьяных увезли из Польши в Германию.

– И что? – оживился Андрей, который коллекционировал проявления человеческой глупости.

– Да ничего, – пожал плечами Егор, делая ход. – Позвонили с Машкиного телефона в Москву родным. Денег никто не дал.

– И что они будут делать?

– Да я-то откуда знаю? – изумился Егор. – Машка им свой телефон дала, они позвонили, и она уехала. А ты думал, что она их под свое крыло взяла?

– Ну, так неинтересно... – расстроился Андрей. – Раздразнил и бросил.

– Ты ходи давай! Тебе шах, между прочим.

– Да ладно! Правда, что ли?! – и Андрей снова воззрился на доску.

В этот момент дверь осторожно открылась, и в кабинет заглянул высокий бородатый мужчина с длинными седыми волосами, собранными в ухоженный хвост, и благородным лицом в густых морщинах.

– Позвольте, Егор Николаевич? – спросил он, церемонно склонив голову.

Егор нехотя оторвался от доски и глянул на бородача.

– А, Григорий Вадимович! Заходите, болеть будете.

– Да я вроде бы и так болею, – усмехнулся тот, входя и аккуратно закрывая за собой дверь. Андрей, с интересом разглядывая вошедшего, спросил:

– А почему я тогда вас не знаю?

– Потому что я, с вашего разрешения, вас тоже не знаю, – сообщил Григорий Вадимович, усаживаясь рядом со столиком.

– Логично, – согласился Андрей, возвращаясь к шахматной позиции. – Видимо, я вас еще не вырубал.

– Простите? – вздернул брови Григорий Вадимович.

Егор хмыкнул:

– Не пугайтесь, мой друг – анестезиолог. Он имеет в виду...

– Я понял, – спокойно кивнул головой бородач, не отрывая глаз от доски.

– Мы тут с Григорием Вадимовичем тоже пару партий сгоняли вчера. Лично я получил удовольствие, – объяснил Егор Андрею, несмотря на то, что тот уже утратил интерес к свежеприбывшему шахматисту и пытался с наименьшими потерями справиться с неожиданной контратакой Егора.

Болельщик посидел еще минут десять, потом неожиданно встал, не дожидаясь конца партии:

– Большое спасибо. До завтра, Егор Николаевич. До встречи на операционном столе. Видимо, и с вами тоже, – все так же церемонно поклонился он в сторону Андрея.

Тот оторвался от доски и изумленно воззрился на бородача. Егор тоже удивился:

– Вы нам не мешаете, Григорий Вадимович.

– Так уже понятно, чем закончится, – с достоинством сообщил тот и удалился столь же эффектно, как и возник.

Андрей перевел взгляд на Егора:

– Это что за явление?

– Ты знаешь, интересный мужик. Насколько я знаю, закончил философский факультет МГУ, а работает консьержем. Говорит, сам так решил. Ему, понимаешь ли, время нужно, чтобы размышлять.

– Мама дорогая! О судьбах человечества? – поморщился Андрей, безуспешно пытаясь понять, какую же развязку узрел консьерж-философ в партии, заметно выровнявшейся после недавней контратаки Егора.

– Да нет, – возразил тот. – Все тоньше... К твоему сведению, наиболее живо его интересует проблема трансцендентного знания.

– Чего-о?! Какого знания?

– Трансцендентного, – терпеливо пояснил Егор. – Я не знаю, что это такое, но звучит красиво.

– Ага, практически как песня, – фыркнул Андрей. – И что мы ему будем отрезать, такому умному?

– Вот тут главная заковыка. Несмотря на всю транс-цен-дентность данного персонажа, отрезать мы ему будем самый банальный желчный пузырь.

– Вот ведь незадача, – посетовал сердобольный анестезиолог, снимая с доски Егорову ладью. – Какой удар по имиджу! Слушай, а чего ты с ним такой любезный? Он выпендривается, а ты ему подыгрываешь.

– Да мне какая разница? – пожал плечами Егор. – Он вообще-то мужик интересный. Знает много, играет хорошо... Я же с ним не собираюсь дружить семьями.

– А чего он в ясновидящего играет? Видит он, чем партия закончится!

– Да ладно тебе, – примирительно сказал Егор и широко шагнул белопольным слоном в сторону черного короля. – Причем здесь ясновидение? Тут и без третьего глаза ясно, что ты сейчас сольешь.

– Это сейчас ясно! – возмутился Андрей. – А тогда ничего ясно не было!

– А может, он и правда ясновидящий, – поддразнил его Егор, торжествующе откидываясь на спинку кресла. – Или ты бестолковый. Тебе что больше нравится?

Тут у Андрея заверещал дурным голосом мобильник, он взглянул на экран и с тяжелым вздохом поднялся.

– Не могли раньше позвонить... Может, я б тогда проиграть не успел, – посокрушался он. – Все, волчара, бывай. Пошел дежурить дальше. Празднуй победу – и привет Машке. Пусть держится подальше от русских балбесов, которых кто ни попадя грабит, стоит им за бугор выехать.

Егор грустно посмотрел ему вслед и вернулся за свой стол, заваленный ожидающими начальственного внимания бумагами.

18 сентября 2014 г., трасса Брест-Берлин

Игорь заворочался, разбуженный проникнувшим сквозь окно солнечным лучом, уставившимся ему прямо в лицо. Все-таки здорово, что вчера на продолжение давешнего алкогольного разгула уже не было ни достаточных запасов, ни денег, с облегчением подумал он, отметив, что на приход в себя и в сложившуюся ситуацию ему потребовалось всего несколько секунд.

Он тихонько повернулся на бок и дотянулся до стола: ключи от машины были на месте. Облегченно вздохнув, Игорь огляделся. На откидном кресле сидел Савва со страдальческим выражением на лице.

– Чего мучаешься, бедолага? – сочувственно спросил Игорь.

– Да Владислав окопался в туалете, понимаешь... Уже минут двадцать жду. Скоро мочевой пузырь лопнет, – пожаловался Савва. – Стучал, стучал – не открывает, гад.

Игорево сочувствие не простиралось так далеко, чтобы встать и попытаться добиться справедливости – тем более, что его собственный мочевой пузырь отнюдь не требовал решительных действий. Поэтому он просто сладко потянулся и с зажмуренными глазами позвал:

– Тёмка, ау! Кончай ночевать! Нас в банке деньги ждут, копытами стучат. Ехать пора.

Артем недовольно зашебуршился в своей кровати.

– Не сплю я, все слышу. Я третий в очереди – куда мне спешить?

– А знаешь, как противно смотреть на спящего, когда сам уже проснулся? – любезно осведомился Игорь, начиная медленно высвобождать ноги из-под намотавшегося на них одеяла. – Так что не серди меня, милый. У меня уже шерсть на загривке начинает топорщиться от злости, ты имей в виду.

– Слушай, ты, по-моему, обычно за месяц столько не наговариваешь, сколько сейчас наболтал! – удивился Савва. – Чего это с тобой?

Игорь не счел нужным ответить, поскольку был сосредоточен на избыточно сложном – по причине утреннего времени – процессе помещения себя в джинсы. Оделся и вылез на улицу – дышать воздухом и проводить рекогносцировку. Пожмурился немного на яркое солнышко, послушал радостную трескотню разномастных детишек, уже носившихся по парковке. Количество автомобилей со вчерашнего вечера сильно поуменилось: видимо, большинство отправлялось в путь с рассветом. Недоуменно пожал плечами: чего людям не сидится в таком замечательном месте? И ведь все у них в порядке: документы есть, деньги – тоже... Небось, им не пришлось с утра подсчитывать, хватит ли им на чашку хорошего кофе. Так нет же – рванули с утра пораньше навстречу новым приключениям, как бременские музыканты.

Игорь обогнул «кэмпер» и собрался было снова в него влезть, но что-то внутри будто бы мешало. Он постоял, прислушиваясь к себе, и медленно пошел обратно: что-то было не так.

Так и есть. Крохотное туалетное окошко под самой крышей «кэмпера» было темным.

Игорь метнулся в автомобиль.

Савва продолжал сидеть, нетерпеливо и жалобно поглядывая на дверь туалета.

– Слушай, а с чего ты взял, что Владислав там? – негромко спросил Игорь.

– А где ж ему еще быть?! – удивился Савва. – Я встал, смотрю – Владьки нет, постель заправлена...

– А дверь ты дергал, балбес? – рывкнул Игорь и рванул на себя дверь.

Дверь пустого туалета преспокойно открылась.

Савва заглянул внутрь и растерянно пробормотал:

– Я ж думал: чего человека дергать...

Артем сердито сказал:

– Опять у вас с утра гон начался? Он мог пойти прогуляться... Ты ж вон гулял!

Игорь, не отвечая, начал методично обшаривать окрестности Владиславовой кровати и шкафы. Потом сел поверх аккуратно застеленного одеяла и задумчиво произнес:

– Его вещей нет. Никаких. Вообще. И наших несчастных тридцати евро – тоже. И телефонной карточки. А там еще оставались деньги. Можно было бы позвонить.

Савве было легче: у него было срочное дело во внезапно оказавшемся свободным туалете. Артем же подавленно смотрел на Игоря, тот – на Артема... Когда к ним присоединился заметно посвежевший Савва, молчание стало невыносимым.

– Я не понимаю – зачем?.. – выдавил Артем.

– Как мало ты не понимаешь! Я тебе просто завидую. Я, например, вообще не понимаю, что происходит, – язвительно сообщил Игорь.

Савва грустно добавил:

– Заметьте, все это означает, что никаких денег в этом... как его... Буркау мы не получим. Надо думать, права он забрал с собой.

– Во всяком случае, они мне нигде не попались, – мрачно согласился Игорь.

– Слушай, а записка какая-нибудь тебе тоже нигде не попалась? – с надеждой спросил Артем и наконец-то начал натягивать штаны.

– Да вроде нет, – пожал плечами Игорь.

Артем недоверчиво огляделся вокруг, застегнулся и решил удостовериться в отсутствии записки сам. Игорь не стал протестовать: продолжение поисков давало хоть какую-то надежду и позволяло отсрочить начало неизбежных попыток объяснить происходящее.

Вдруг Савва поинтересовался:

– А вон тот конверт – это, случайно, не то, что нам нужно?

На внутренней стороне туалетной двери действительно белел приклеенный скотчем конверт. По праву первооткрывателя Савва поднялся, оторвал его от двери и вынул сложенный вчетверо листок. Артем с Игорем встали у Саввы за плечом. Тот медленно начал читать вслух:

– «Привет, мужики! Вы уже заметили мое отсутствие? Полагаю, руководство расследованием взял на себя Игорек, Тёмка страстно пытается меня оправдать, а Савва, как всегда, не слишком озабочен происходящим. Так? Впрочем, это неважно. Вам нужны документы и деньги? Тогда вы выезжаете с парковки и едете по шоссе ровно пять километров до третьего съезда направо. Поворачиваете и снова едете пять километров. Видите луг, на котором пасутся коровы. На дальней стороне луга стоит дерево – простите, как называется, не знаю. В дупле будут ваши документы, карточки и прочее. Правда, карточки вы уже заблокировали... Ну ничего, как-нибудь справитесь. Адью, мушкетеры!»

Артем вырвал листок из рук Саввы, чье веснушчатое лицо, и всегда-то почти клоунское, сейчас стало и вовсе потешным – от застывшего на нем выражения детской недоуменной обиды. Быстро перечитал издевательски четкие и аккуратные строчки, не нашел в них ничего сверх только что услышанного и, яростно скомкав, швырнул листок на пол:

– Скотина!

Игорь молча поднял записку, аккуратно сложил и сунул в карман.

Все трое снова замолчали.

– Все-таки что это значит? – наконец решился спросить Савва.

– А какой смысл сейчас морочиться на эту тему? – пожал плечами Игорь. – У него явно есть какой-то план. Просто у нас недостаточно информации, чтобы этот план понять, только и всего. Собирайтесь, поехали. Может, он вообще сам там будет.

– Ага, с цветами и бубликами, – саркастически заметил Артем. – И будет на коленях просить прощения.

Больше ни о чем не говорили.

Через пять минут «кэмпер» вырулил на бойко движущийся автобан. За рулем на этот раз сидел Савва как самый осторожный водитель: приходилось считаться с отсутствием у них

каких бы то ни было документов и возможно меньше привлекать к себе внимание способных появиться на трассе полицейских. Разместившийся рядом Игорь напряженно смотрел на медленно сменявшиеся цифры пробега, а Артем отсчитывал съезды с шоссе.

...Луг на указанном месте был, и коровы на нем паслись. И дерево на лугу действительно было, и даже с дуплом – вот только в дупле не было ни документов, ни денег, ни телефонов. Зато в дупле лежал еще один концерт – на сей раз довольно толстый.

18 сентября 2014 г., Буркау

Трудно объяснить, почему в каждом маленьком европейском городке в самой середине любого буднего дня можно найти пивной бар, битком набитый мужчинами самого что ни на есть работоспособного возраста, – но факт остается фактом: найти такой бар можно всегда и всюду.

Такой бар в крохотном городке неподалеку от Баутцена назывался без затей – «Какаду», и в нем, как и во всех ему подобных, мужчины пили пиво, играли в бильярд и шумно общались. Все шло в точности так, как шло в любой другой будний полдень – ровно до того момента, пока мимо «Какаду» не проехала пожилая «ауди», заляпанная грязью почти до неразличимости ее природного темно-синего цвета. «Ауди» слегка притормозила прямо около гостеприимно открытой двери бара, и через открывшееся окно машины вылетел довольно объемистый сверток. Когда он шлепнулся внутри бара, у самого входа, «ауди» тут же сорвалась с места и исчезла из поля зрения изумленных посетителей «Какаду».

Сначала никто не рискнул подойти к загадочному свертку: все опасливо ожидали от него каких-то неприятностей – а может, просто удивлялись странному событию, не предусмотренному размеренным распорядком их бытия. Однако сверток безмятежно покоился ровно там, куда приземлился, и не обнаруживал никакого желания безобразничать.

В конце концов один из посетителей – благообразный седенький старичок с любопытными глазами – отважился подняться со своего места и осторожно приблизиться к непрошеному подарку. Осмотрел его и оглянулся на остальных:

– Кто-нибудь знает, где сейчас Бруно?

Бруно звали местного полицейского, который компенсировал свою непростительную для настоящего «быка» – как немцы уважительно кличут своих стражей порядка – молодость исключительной активностью. Предсказать, где он окажется в следующий час, не мог никто, поскольку он считал своим долгом быть в курсе всего происходящего в Буркау – благо это было не так сложно, учитывая размеры городка. Тем не менее, упоминание Бруно произвело как раз тот эффект, на который рассчитывал благообразный любитель пива: стало очевидным, что появление свертка явно не носит законопослушного характера. Все посетители тут же дружно вскочили и кинулись рассматривать сверток.

Тот и в самом деле при ближайшем рассмотрении выглядел настораживающе: он был обмотан тканью, покрытой бурыми пятнами, которые весьма напоминали кровь. Во всяком случае, посетителям бара очень хотелось бы, чтобы это была именно кровь: это сулило бы великолепную тему для дискуссий по меньшей мере на месяц.

С трудом найденный Бруно тоже заподозрил, что пятна на свертке можно считать кровью, и со всей подобающей ситуации серьезностью доставил его в участок. Там он, поразмыслив, принял решение получить консультацию знающих людей и созвонился со своим знакомым в полиции Баутцена. Тот пообещал прислать человека, чтобы забрать ткань на экспертизу, и посоветовал для начала детально изучить содержимое свертка – а еще пообещал проверить, не случилось ли в последнее время в округе убийств, перспективных с точки зрения дальнейшей судьбы странного свертка. Судя по всему, полицейский из Баутцена сам был немало заинтригован, и Бруно выразил скромную надежду, что тот, если не слишком занят, сможет приехать за тканью сам, однако определенного ответа не получил.

...Внутри свертка находилось три российских паспорта, несколько кредитных карточек разных банков, телефоны и водительские права – с точно такими же бурыми пятнами, что и на ткани. Бруно попытался было разобраться в телефонных списках контактов, но успеха не достиг.

Он проверил фамилии, указанные в паспортах, по полицейской базе данных. Выяснилось, что ни одна из фамилий по базе не проходила: никто из троих мужчин, чьи фотографии красовались в документах, даже оштрафован не был ни разу. Разумеется, это еще ни о чем не говорило, но проверить-то все равно было необходимо.

Что еще можно было сделать, Бруно решительно не представлял. Оставалось только ждать – самого баутценского знакомого или хотя бы человека от него.

18 сентября 2014 г., неподалеку от трассы Брест-Берлин

...Дочитав второе послание от Владислава, Савва растерянно поднял глаза на друзей. Артем витиевато заматерился, Игорь же продолжал хранить угрюмое молчание. Савва снова перевел взгляд на два покрытых мелким аккуратным почерком листка бумаги, будто надеялся, что на этот раз прочтет в них что-нибудь другое.

– И какого хрена он ждал столько лет? – заговорил наконец Игорь.

– А какого хрена мы столько лет молчали? – вызывающе ответил Артем.

– Ну конечно! Миротворец ты у нас! Поищи ему оправдание, как хлеба ищут! – окрысился Савва.

– Хорош, мужики! – повысил голос Игорь. – Давайте еще мы перегрыземся тут. Вы же слышали – он этого и добивается.

– А почему он никогда ничего не спрашивал? – сбавил тон Савва. – Мы же собирались все рассказать, помните? Это он сделал вид, что ничего не произошло.

– Да уж... Ты тогда все время делал голубые детские глаза и придумывал всякие сказки: а вдруг, а может быть... Мечтатель! – усмехнулся Игорь.

– Слушайте, а все-таки: почему мы ему ничего не рассказали? – гнул свое Артем.

– Тёмыч, не строй из себя Пятачка, я тебя умоляю, – вздохнул Игорь. – Нам так было удобнее. Особенно после того, как мы узнали... ну, насчет его матери...

Все трое тоскливо задумались. Первым опять-таки не выдержал Артем:

– Но она, конечно, тоже хороша! Я вообще не понимаю, как можно с собственным сыном перестать общаться – да еще из-за такой... ерунды!

– Во-первых, ничего себе ерунда! А во-вторых – она ж не перестала. Просто... охладела к нему, что ли, – внес уточнение Игорь.

– Кстати, а когда она снова... потеплела? – внезапно заинтересовался Савва. – Смотрите, она ж деньги без вопросов перевела. В отличие от наших... – поскучнел он.

– Да уж... – согласился Артем. – И мой братишка даже не перезвонил...

Савва с Игорем переглянулись и дружно захохотали – похоже, в первый раз после достопамятной кучи-малы на заправке.

– Чего ржете? – несказанно удивился Артем.

Когда приступ неудержимой радости прошел, Савва, измученно переводя дух, спросил:

– Тёмка, куда? Куда он должен был тебе перезвонить?..

– А может, он на телепатической связи с Машкой? – неуклюже пошутил Игорь, и хохот возобновился.

– Я понял: это истерика, – мрачно сообщил Артем. – Гогочите, гогочите. Я бы тоже посмеялся, если бы было над чем. Может, отпустило бы... Слушайте, а давайте накатим, а? Там, по моему, коньячок остался...

– Ну да, сейчас только до этого. Ехать надо, – решительно воспротивился Савва.

– То есть ты собираешься играть в его сволочные игры?! – возмутился Артем, чье обычное добродушие было оскорблено до невозможности.

– Нет, – невозмутимо отвечивал Савва, поднимаясь. – Я собираюсь получить обратно свои документы и деньги. Телефон, так и быть, меня сейчас не интересует. Спасибо жёнушке...

– Да с чего вы взяли, что там будут документы?! – взвился Артем, видя, что Игорь тоже двинулся в сторону «кэмпера». – Он уже обещал, что они будут здесь – и что?! Чего вы вдруг сейчас-то решили ему поверить?

– Чего ты орешь, как хомяк, на которого наступили? – миролюбиво спросил Игорь. – У тебя есть какие-то другие варианты?

– Давайте плюнем на все и поедem в Мюнхен. Или что у нас здесь поближе? Лейпциг или Дрезден? Получим в консульстве документы – и черт с ним, с Октоберфестом! Все равно праздновать хочется, как удавиться. Или у вас настроение есть? – буйствовал Артем.

Игорь вздохнул, вернулся и обнял его за плечи.

– Тёмыч, вернись в реальность. На какие шиши ты заправишься, чтобы доехать до Мюнхена? А если там нет нашего консульства? Я, например, понятия не имею, есть ли оно вообще где-нибудь, кроме Берлина. Второй раз Машка нам на заправке не попадется, чтобы в интернет залезть, даже не надейся. Мне тоже никак не радостно плясать под дудку этого... Но лично я не вижу никаких других вариантов. И потом, он же не будет все это вечно продолжать. Где-то ведь у него конец запланирован? Видишь, у него все продумано – значит, он понимает, что у нас скоро деньги на бензин закончатся. Значит, и весь этот дурдом закончится. А пока придется ехать, да, Тём?

Артем сник и покорно пошел к «кэмперу». У него за спиной Игорь и Савва обменялись сочувственными взглядами: в их компании Артем всегда считался самым трепетным, и его полагалось беречь.

– Найдем эту суку – я его вообще на хрен убью, – одними губами пробормотал Савва. Игорь вытаращил глаза: до сего момента никто никогда не слышал от Саввы ничего подобного. Он прежде никогда даже не матерился: считал это ниже своего потомственно-дворянского достоинства. Его родители и в самом деле происходили из какого-то старинного рода, и с самого детства это всегда забавляло всю компанию. В обиходе это имело как плюсы, так и минусы: с одной стороны, друзьям в обществе Саввиных предков все время приходилось напрягаться для создания благопристойного имиджа, а с другой – можно было безнаказанно впаривать им любые объяснения и не бояться, что потомкам графов Тормасовых придет в голову их проверить.

Когда все уже расселись в машине, Артем вдруг сообразил:

– Слушайте, а как мы найдем этот городишко? Навигатора-то нет.

– На ощупь, – коротко бросил Савва и повернул ключ зажигания.

– Погодите! – вдруг вскочил Артем и метнулся к двери.

Друзья снова переглянулись, и Савва, воздев глаза к потолку, заглушил двигатель. Игорь вышел следом за Артемом. Тот бродил вокруг машины, сосредоточенно вглядываясь в землю.

– Чего ищем? – поинтересовался несколько озадаченный Игорь.

– Погоди, сейчас, – отмахнулся Артем, походил еще немного и обрадованно воскликнул: – Опаньки! Иди сюда, родной...

Он вытащил откуда-то из травы треугольный камень с острыми краями и с кровожадным видом направился к «кэмперу».

– Стой, зачем? – попытался было вмешаться Игорь, но было уже поздно: на светлом и гладком, как акулье брюхо, боку «кэмпера» появилась большая корявая буква «С», за ней «У»... Игорь безнадежно махнул рукой и стал наблюдать за варварским процессом.

Торчащий из пассажирского окна Савва, напротив, пребывал в полном восторге от происходящего.

– И все?! – огорчился он, когда Артем решил ограничиться коротким и яростным «СУКА!!!».

– Хватит с него. Все-таки пока на нем едем мы, – объяснил удовлетворенный Артем, забираясь в машину.

– Вспомнил-таки, – язвительно пробормотал Игорь, снова усаживаясь рядом с Саввой и глядя в зеркало заднего вида, как немного утешившийся Артем с комфортом устраивался на диванчике позади них.

18 сентября 2014 г., Буркау

Друзья не спешили вылезать из «кэмпера», припаркованного у полицейского участка. Предстоящее объяснение со стражами порядка выглядело весьма непростым. Не было никаких гарантий, что все это – не очередной иезуитский ход Владислава. А если приезд к описанному в письме Владислава участку все-таки был именно таким ходом, то реакция местной полиции на появление трех небритых и злых русских мужиков без документов представлялась не слишком предсказуемой, но наверняка малоприятной. Кроме того, они не были вполне уверены в том, что в таком крохотном городишке полицейские владеют еще каким-нибудь языком, кроме немецкого – в отличие от них самих, как раз немецким языком не владевших ни в какой мере. Перед поездкой Владислав страстно убеждал их, ссылаясь на опыт своих предыдущих пребываний в Германии, что здесь по-английски говорит каждая первая встреченная дворняжка. Однако сейчас любая информация, полученная от Владислава, выглядела не слишком достоверной.

По пути им не удалось обсудить возможные варианты развития ситуации и спланировать совместные действия: отсутствие навигатора, как оказалось, создавало не менее серьезные проблемы, чем отсутствие денег. Вначале они с недоброй памяти луга выбрались на автобан и просто поехали прямо в надежде увидеть указатель на Буркау. «Кэмпер» прошел километров двадцать, а нужный указатель им так и не попался. Это явно противоречило письму Владислава: там было сказано, что до Буркау езды минут десять. Тогда они заподозрили, что ехать надо было в обратную сторону, но рисковать при имеющемся в их распоряжении весьма скромном количестве топлива было бы неосмотрительно. Они остановились и стали пытаться голосовать – вполне, впрочем, безуспешно. Видимо, дело было в том, что на каждые пяти-семи километрах трассы имелись телефоны для связи с всякими аварийными службами, и водители проезжающих автомобилей полагали, что любую помощь голосующие у обочины горемыки могут получить и по телефону. Тогда Савва предложил сбегать к телефону, который они совсем недавно проезжали, чтобы не тратить попусту топливо.

Вернулся он сильно смущенным и рассказал, что после долгих переговоров ему удалось-таки объяснить диспетчеру – или как тут у них называются люди, отвечающие по номеру 112, – суть своей проблемы. Диспетчер, судя по всему, долго рылся в каких-то документах, с кем-то консультировался и все-таки наконец объяснил, как добраться до Буркау с того места на автобане, где стоял «кэмпер». Беда была в том, что несовершеннолетний Саввин английский, наложившись на столь же несовершеннолетнего английского диспетчера, не позволил определить маршрут с достаточной точностью. Савва смог воспроизвести только то, что им действительно необходимо развернуться, проехать двадцать с чем-то километров (с чем именно, он не слышал, а переспросить постеснялся) и свернуть на какой-то мост. Собственно говоря, такими туманными указаниями и исчерпывалась полученная им информация.

– Вот чертов аристократ! – в сердцах выругался Артем. – Переспросить ему совестно, ты ж понимаешь...

– Положим, не факт, что мы с тобой поняли бы больше, – рассудительно произнес Игорь. – Ладно, поехали, граф. Кто их там, в этом Буркау, знает, когда у них полицейские спать уходят...

Как и следовало ожидать, с первого раза попасть в нужное место им не удалось. То есть на мост-то они попали, но грамотно съехать с него не сумели, сделав несколько кругов с одной стороны автобана на другую и обратно. Потом нужный съезд все-таки образовался, и они с надеждой устремились по указателю на Буркау. Однако дальше нужно было еще и найти полицейский участок... Короче, к моменту прибытия вся троица люто ненавидела немецкие дороги, все на свете указатели и отсутствующий навигатор – именно за его отсутствие, казав-

шееся подлым предательством. Вряд ли такое состояние можно было считать подходящим для предстоящей беседы с полицейскими, но другого состояния у них все равно не было.

Теперь им надо было решить, кто будет разговаривать с полицией: самый лучший английский был у Артема, а подходящая к случаю выдержка – только у Игоря. После долгих споров пришли к выводу, что кто бы ни вел переговоры, Артему все равно не удастся удержать себя в руках, и махнули рукой на возможные последствия: будь что будет, раз все равно не получается, чтобы было, как хочется.

В таком фаталистичном настроении они и вошли в участок.

На их счастье – впрочем, довольно быстро это счастье показалось им не таким уж и счастливым – обнаруженный ими внутри молодой полицейский говорил по-английски как минимум не хуже Артема. Но когда Артем вкратце изложил тому суть дела, стало ясно, что полицейский сделал стойку. Его жест, настойчиво приглашающий всех троих пройти за ним, был совершенно понятен даже Игорю с его школьным английским, и все трое обреченно переглянулись.

В дальней комнате полицейский указал им на шеренгу стульев и полез в сейф. Они молча расселись, остро предчувствуя недоброе.

Из сейфа был извлечен большой пластиковый пакет, из которого в свою очередь появился странного вида грязный сверток. Друзья воззрились на сверток, и Артем специально для Игоря перевел вопрос полицейского:

– Вы видели раньше это?

Они удивленно переглянулись, и Савва привстал и протянул руку, чтобы взять сверток и рассмотреть его получше.

Немедленно раздалось знакомое по книгам о войне «Халът!» – видимо, полицейский от осознания значимости момента забыл перевести сам себя на английский. Савва испуганно сел на место, забыв опустить руку.

Артем снова повторил вопрос полицейского, они опять переглянулись и решительно замотали головами. Полицейский скептически поднял брови и спросил что-то еще. Артем, не затрудняясь переводом, так же решительно закивал и коротко ответил. Потом бросил через плечо:

– Мы ведь уверены, правда?

Полицейский обвел всех спокойным взглядом и развернул тряпку, в которую был замотан сверток. Все трое радостно завопили: перед ними лежали их собственные паспорта и кредитки. Полицейский удовлетворенно кивнул, и Артем перевел:

– Я понял, это ваше. А вот это чье? – он помахал перед ними на достаточном расстоянии грязной тряпкой. Артем что-то ответил, всем своим видом выражая несказанное недоумение.

Полицейский какое-то время смотрел на них внимательным – видимо, каким-то специальным полицейским – взглядом, потом указал пальцем на пятна на тряпке:

– Это – кровь. Чья?

Артем снова возбужденно затараторил что-то, что явно не уменьшило скепсис полицейского. Тот произнес какую-то длинную фразу, и Игорь с Саввой с тревогой заметили, что Артем начинает закипать. Снова не считая нужным перевести реплику полицейского, он заговорил, размахивая руками.

Полицейский нахмурился и попытался остановить поток Артемова красноречия. Тот не унимался, пренебрежительно тыкая пальцем в сторону тряпки.

– Тёмыч... – предостерегающе начал было Игорь, но было уже поздно: Артем отпихнул в сторону руку полицейского, попытавшегося усадить его на стул.

Тот немедленно отскочил назад, без политесов рывкнув что-то по-немецки, чего Артем перевести уже не смог бы, даже если бы и хотел. Впрочем, это было не важно: полицейский выдернул из кобуры пистолет.

– Тёма, сядь! – гаркнул Игорь и с силой дернул Артема за руку назад. Тот шлепнулся на стул, но снова вскочил и зло заговорил по-английски.

– Ты с ума сошел, что ли?! У него пистолет! Сядь!

Полицейский, не обращая ни малейшего внимания на Артема, мотнул стволом пистолета в сторону коридора.

Савва пытался делать успокаивающие жесты, но они тоже не производили на полицейского ни малейшего впечатления: он продолжал настойчиво покачивать стволом пистолета.

Савве с Игорем пришлось взять Артема в охапку и потащить его в ту сторону, куда указывал пистолет.

Там, как и следовало ожидать, было то, что в России именуется «обезьянником». Нельзя сказать, что для всех троих подобное помещение было небывалой диковиной: по младости лет, прошедшей в боевые девятые годы, каждому из них по паре раз пришлось быть водворенным туда. Хотя, правду сказать, их пристанище на ближайшую ночь весьма мало напоминало свои российские аналоги: большое зарешеченное окно, четыре диванчика – пусть и мало подходящих для долгого сна, но все-таки обеспечивающих некое подобие комфорта, – стол, стулья... И все это – на фоне пестреньких пасторальных обоев. Однако все равно было исключительно обидно вместо питья пива на знаменитом Октоберфесте загреметь в уютный немецкий «обезьянник» – да еще на фоне полного отсутствия понимания собственной вины.

По пути Артем (возмущенно) и полицейский (безразлично-строго) обменивались какими-то репликами. Савва напряженно вслушивался, а Игорь, почти ничего не понимавший с самого начала, смог уловить только то, что Артем продолжает против чего-то бурно возражать.

Когда они оказались внутри, полицейский произнес длинную фразу и удалился по коридору. Спустя пару минут стало слышно, как он разговаривает с кем-то по телефону.

– Доигрались, – мрачно констатировал Игорь, а Савва полюбопытствовал:

– Что он хоть говорил-то?

– Что он говорил?! – продолжал злобствовать Артем. – Я тебе сейчас скажу, что он говорил! – и он возбужденно заметался по комнате.

Савва безнадежно махнул рукой и вполголоса сказал Игорю:

– Я так понимаю, что тот тип заподозрил нас в убийстве.

– Да я понял... – пожал плечами Игорь. – Меня в этой ситуации одно интересует: а убийство-то на самом деле было или нет?

– В смысле? Какое убийство?!

– Да что ж вы такие романтичные-то, а? – заорал Игорь. – Вы думаете, это случайность? И Владислав, ясное дело, здесь ни при чем, да?

Артем застыл на месте, а Савва неуверенно моргнул.

– Слава богу, утихло... Теперь ты можешь, раздолбай, все-таки сообщить нам, чего ты завелся и чего он хотел?

Артем сник и забился в угол.

– Он сказал, что нам придется сдать кровь.

– И что тут страшного? – поразился Савва.

– Что страшного?! Он хочет проверить, не убийцы ли мы!

– Да ничего подобного, – пожал плечами Савва. – Он просто хотел проверить, не наша ли кровь на этой тряпке.

– Да?! Ты думаешь, это все? Он сказал, что если не наша, то он нас задержит на неопределенное время.

– Что-то мне сдается, что это он сказал уже после того, как ты начал орать, – вздохнул Игорь.

– Да какая разница?!

– Да очень большая разница! Потому что если кровь наша, то нас отпускают сразу, а если нет – то это еще вообще ничего не доказывает. Слушай, Тёмыч, ну ты ж не идиот, правда? У тебя думалка опять, что ли, отказала на почве переживаний?

За Артемом такое водилось: когда он волновался, соображать он переставал напрочь. Это было очень странно: из них четверых он был единственным, кто закончил школу с золотой медалью, а институт – с красным дипломом. Видимо, мозги у него были устроены каким-то аутистическим образом: он мог существовать только в условиях максимального благопритствования. А поскольку такие условия в российской жизни встречаются крайне редко и длятся недолго, то большинство окружающих он раздражал до крайней степени. Мириться с невыносимой подвижностью его настроений – равно как и с его ужасающей бестолковостью в маломальски затруднительных ситуациях – могли только те немногочисленные люди, которые знали Артема в спокойном состоянии. Но и им далеко не всегда удавалось привести его в это самое спокойное состояние после того, как его уже начинало разносить по закоулочкам.

Зная все это, Игорь нещадно корил себя сейчас за собственное легкомыслие: как они вообще умудрились взять Артема с собой в участок – да еще доверить ему вести переговоры?! Надо было его, на худой конец, просто запереть в «кэмпере» и объясняться самим – пусть даже на интернациональном языке, известном под названием «два притопа, три прихлопа».

Он незаметно толкнул Савву локтем в бок и показал ему глазами на подавленного Артема. Савва мгновенно прочитал послание и пересел к тому в угол.

Оставшись один, Игорь наконец-то получил возможность задуматься.

Вариантов развития ситуации было немного. Первый предполагал, что никакого убийства на самом деле не было. Тогда завтра после процедуры забора крови их просто отпускают. В крайнем случае, оштрафуют за сопротивление властям. Кстати, вопрос: а как их можно оштрафовать, если все их деньги – на карточках, а те заблокированы?

Ну, допустим, им разрешат позвонить хотя бы в один банк. Но ведь и в этом случае не факт, что карту можно разблокировать по телефону. Кто-то из знакомых говорил, что для этого ему пришлось самому ехать в банк. Хорошо, пусть это получится. Может, хоть у одного из троих карта будет того банка, который подобные вольности допускает.

Если же нет, то придется снова звонить в Москву, выпрашивать у кого-нибудь деньги и получать их уже по собственному паспорту. Полицейские либо согласятся подождать, либо заменят штраф каким-то крохотным тюремным заключением. Тоже не смертельно. Может, и вообще сжалятся и отпускают без штрафа – с учетом их тоскливых обстоятельств.

Ладно, будем считать, что в этом случае выкрутиться удастся.

Разновидностью первого варианта можно было считать ситуацию, когда им придется просидеть здесь какое-то время – пока полиция прошерстит все нераскрытые преступления по всей стране и убедится в полной и абсолютной их невиновности. Здесь все пройдет по той же схеме: штраф, звонок в банк или знакомым – и свобода.

Однако существовал и второй вариант: если убийство все-таки было. Причем именно такое, для которого они никак не смогут доказать свою непричастность. Конечно, существует презумпция невиновности и все такое, но времени это займет куда больше, чем хотелось бы. Придется искать возможность подтвердить свою невиновность, иначе есть риск завязнуть в немецком «обезьяннике» – или вообще уже в тюрьме – не на одну неделю. Можно будет попытаться отыскать ту Машку с заправки, например. Но это уже будет зависеть от конкретных обстоятельств конкретного убийства.

Игорь старательно перебирал все действия, которые могут оказаться целесообразным в том или ином случае, чтобы не продолжать цепочку своих логических построений. Потому что было очевидно: третий вариант тоже возможен – если учитывать все события последних двух дней. В конце концов, Владислав – юрист, и юрист, судя по его доходам, весьма неплохой. И крышу ему, похоже, снесло капитально. Значит, он вполне способен организовать такое

змеиство, которое им, неискушенным в юриспруденции, и в голову прийти не может. И в этом случае к этой грязной тряпке может быть привязано такое убийство, что никакие карты им разблокировать уже не понадобится... Ведь совершенно ясно, что готовился он ко всей этой авантюре не один день. Это ж как надо было местность изучить, чтобы все эти хитроумные перемещения запланировать! Луг нашел с деревом дупляным, участок отыскал... И не пешком же он с заправки ушел, в самом-то деле! Наверняка где-то на той же парковке машина стояла: ему же надо было где-то документы с мобильниками спрятать, а потом еще и отвезти их в то дупло...

Хотя нет. Причем здесь дупло? Документов там и не было никогда, а записку можно было в дупло засунуть и месяц назад. Это ж не Россия, немцы вряд ли заначивают от своих немецких женушек зарплату по дуплам. Но сюда-то, в участок, документы должны были как-то попасть?

Значит, у него есть машина. И вполне возможно, что эта машина сейчас стоит прямо напротив полицейского участка. И человек, который в ней сидит, точно знает, что будет происходить дальше – потому что именно он всю эту интригу закрутил.

Он знает. А вот они ни черта не знают. И им остается только ждать. Ждать и строить целый веер вероятностей и бессмысленных планов. Бессмысленных, потому что все равно никакими силами невозможно представить себе, что замыслил этот мерзавец.

Но почему все-таки он тянул с этой своей сумасшедшей мстью целых пятнадцать лет?..

...Машина – пожилая грязная темно-синяя «ауди» – действительно стояла рядом с участком, среди густых деревьев. Она стояла там с самого обеда – с того момента, как окровавленный сверток оказался в баре «Какаду». Она стояла там и тогда, когда к участку подкатил «кэмпер» с выцарапанным на боку словом «сука». Стояла и полчаса спустя, когда из «кэмпера» вылезли трое и направились в участок, еще не подозревая, что их там ждет.

Стояла машина до самой темноты, когда участок должен был быть заперт на ночь. И только когда в районе девяти часов вечера полицейский – как успел выяснить Владислав, его звали Бруно – выглянул на улицу, а потом старательно запер дверь изнутри, стало ясно, что сегодня никто больше из участка не выйдет. Тогда Владислав, оглядевшись, вылез из машины и обошел участок кругом. За всеми окнами было тихо – даже за тем, в котором мерцал приглушенный ночной свет: видимо, именно там должны были провести ночь задержанные.

Закончив обход, Владислав вынул из «ауди» очередной объемистый сверток и небольшой конверт и направился к «кэмперу». Еще раз оглядевшись, вытащил из кармана ключи и нажал на кнопку. Оказалось очень кстати, что в Европе запрещены звуковые сигналы автомобильной охраны: автомобиль лишь моргнул два раза фарами и промолчал.

Он сел за руль, осторожно повернул ключ в замке на пол-оборота и бросил взгляд на засветившуюся приборную панель. Топлива в баке оставалось на сто километров, не больше – и то, если ребята в пробку не влипнут. Это ж кто такой непросветленный придумал странный миф, что в Европе по автобанам лети – не хочу? Как же, как же... Немцы, например, все время свои хваленые дороги ремонтируют – потому что у них такие хваленые и есть. Но ремонт есть ремонт, и пробки тут образуются – круче не бывает. Русская душа сразу преисполняется национальной гордостью и начинает отдыхать, попав в привычные условия. Так что сто километров легко могут превратиться в шестьдесят, а то и в сорок, и это тоже надо учесть.

Он произвел в уме кое-какие вычисления, потом заглянул в конверт и удовлетворенно хмыкнул. Положил его на водительское сидение, а объемистый пакет метнул на диванчик в салоне. Посидел несколько минут, закрыв глаза. Потом негромко сказал сам себе:

– Тёмыч все-таки набедокурил, и значит, я молодец. Запускаем план «А», – вылез из «кэмпера», пересел в «ауди» и поехал в сторону автобана.

Через час он уже был в своем номере отеля «Бест Вестерн» в Баутцене. Заказал в номер основательный ужин, с удовольствием съел его и улегся в постель, поставив рядом с собой на тумбочку полный стакан роскошного арманьяка. Не поднимая головы с подушки, он видел

в окне красиво старящуюся башню Вендишер на фоне ночного неба. И башня, и сам отель логично и даже изысканно вписывались в общую идею происходящего: именно в баутценском «Бест Вестерне» они последний раз отдыхали вдвоем с матерью...

Сегодня он имел полное право отпраздновать.

Осень 2001 г., Москва

...В отличие от многих школьных дружб, их компания умудрилась сохраниться в прежнем составе и прежних отношениях даже после выпускного вечера – несмотря на то, что институты друзьями были выбраны разные. К моменту дачной авантюры с дядей Сашей Владислав уже точно знал, что будет поступать на юридический факультет МГУ, что на тот момент уже было крайне сложно, но еще не вовсе невозможно. Артем определился так же рано: как только в восьмом классе у них начались уроки химии, он тут же бесповоротно влюбился в пробирки и периодическую таблицу. Бесхозными оставались только Савва с Игорем, у которых не было столь же ярко выраженных пристрастий. Придумать что-нибудь этакое им не удалось, поэтому пришлось выбирать между Владькиной юриспруденцией и Артемовой химией. Впрочем, как раз выбирать почти не пришлось: к этому моменту Артем уже достаточно нахватался всяких химических фокусов, чтобы Савва с Игорем впечатлились и решили тоже направить свои стопы в ту же сторону.

Правда, Игорь к концу восьмого класса распробовал еще и анатомию с физиологией, которые вкупе с химией четко задали дальнейшее направление: перед ним замаячили радужные перспективы операций на открытом сердце и мозге.

Вот так и вышло, что изначальная троица двинулась в одном направлении, а Владислав – в другом. Тем не менее, встречаться они все равно продолжали, поскольку никто из них жениться еще не успел, и все четыре семейства продолжали соседствовать.

Понятно, что основные усилия по организации этих встреч приходилось прилагать Владиславу: Артем с Саввой, учась на одном курсе, и так общались постоянно, а Игорь в своем медицинском вкалывал столько, что его приходилось почти силком вытаскивать на какие-то совместные мероприятия – да и то он на них регулярно засыпал, невзирая ни на какие шумы вокруг. От всего этого Владислав втайне бесился: ему все время казалось, что он перестает быть для друзей важным и интересным.

Он тщательно отслеживал количество отмененных друзьями встреч и количество их собственных звонков к нему. Когда первое количество начинало расти, а второе – снижаться, он придумывал какую-нибудь экстремальную затею, вновь поднимавшую его авторитет в компании. И первые четыре года суммарный итог собственных усилий его вполне устраивал. Однако к началу пятого курса он стал замечать, что организованные им встречи все чаще и чаще отменяются, а звонить ему по своей инициативе друзья вообще почти перестали. Все попытки выяснить, что же происходит, ни к чему не привели: друзья упорно отмалчивались. Причем в ответ на его прямые вопросы они даже не пытались убеждать его, что ничего не изменилось: они откровенно уклонялись от ответа.

Происходящее не получалось объяснить простым угасанием их интереса и симпатии к Владиславу: во-первых, для этого не было никаких внешних поводов, а во-вторых – уж очень синхронно они от него отделились. Он мучился одновременно и от тревоги за ребят, и от ревнивого любопытства, и от уязвленного самолюбия – и никак не мог понять, от чего мучается сильнее.

Когда начался осенний семестр пятого курса – предпоследнего учебного года для Игоря и последнего для всех остальных, – Владислав вообще почти перестал видеть друзей. Встречаться им доводилось только во дворе – в основном у гаражей, что заставило Владислава начать предполагать самое худшее: друзья вляпались в какой-то криминал, поскольку по тем временам старые гаражи то и дело использовались отнюдь не по прямому назначению. А в применении к двум с половиной химикам (или к двум химикам и одному врачу) криминал мог означать только одно из двух: либо наркотики, либо взрывчатка.

Он попытался получить информацию разнообразными окольными путями, но не преуспел. В этот момент тревога за друзей затмила все прочие переживания, но ненадолго. Вскоре муки самолюбия также достигли апогея, и Владислав почти уже решил смертельно обидеться и вычеркнуть всех троих из своей жизни.

Однако в один прекрасный для Владислава и далеко не такой для остальных день они пришли сами – причем без предварительного звонка. Точнее, они даже не пришли: они просто ждали его во дворе, благо погода к тому вполне располагала. В тот день Владислав пришел очень поздно и был немало удивлен, когда со скамейки у подъезда ему навстречу поднялись три знакомые фигуры. Вид они имели весьма подавленный, и ему пришлось проглотить всю свою язвительность.

– Слушай, Влад, тут такое дело... – Игорь к тому времени прочно занял в компании позицию «второго лидера», которая вступала в силу, когда Владислава не было рядом или когда он по каким-то причинам не расположен был выступать в той роли, которой заслужил свою репутацию. – У Софьи Витальевны в бизнесе по-прежнему все шоколадно?

У Владислава екнуло сердце: ситуация, когда друзья пришли не столько к нему, сколько за тем, чтобы попросить в долг у его матери, никак не могла утешить его наболевшее за эти месяцы самолюбие. Поэтому он ответил с заметной прохладцей:

– Спасибо, все по-прежнему.

– Не злись, – просительно проговорил Артем. – Мы и так попали по полной...

Владислав помолчал, собирая в кулак все свое милосердие, и наконец выдал:

– Ладно, валяйте рассказывайте.

Все оказалось вполне банально: Савва со своим неистребимым оптимизмом начал играть. Когда ему удалось несколько раз сорвать приличные деньги, ребята, с самого начала настроенные крайне скептически по отношению к такому способу зарабатыванию денег, тоже решили попробовать играть по маленькой. Дальнейшее развитие событий было до противного предсказуемым: они проигрались, влезли в долги – а теперь пришла пора эти долги отдавать. Рядовало одно: девяностые годы, когда убить могли за копейки и без всяких разговоров, счетчиков и прочих атрибутов долгового быта, благополучно миновали. Теперь уже даже самым недобрым кредиторам было ясно, что получить долг важнее, чем наказать того, кто его не отдает. И ребятам предложили простую схему, грамотно учитывающую их профессиональные возможности: либо они отдают долг, либо начинают работать на людей, которые умеют делать деньги в химических лабораториях. Поскольку вторая альтернатива ребят несколько не привлекала, им ничего не оставалось, как попросить денег у матери Владислава.

Владислав прекрасно понимал: стоит матери узнать, на что нужны деньги, она их не даст ни за какие вареники. Но с другой стороны – а как иначе объяснить необходимость такой крупной суммы? Поскольку мотивация у ребят была на порядок выше, чем у Владислава, они не восприняли ситуацию как безнадежную и начали предлагать варианты – один другого фантастичнее.

– Сколько вам сроку дали? – уныло спросил Владислав.

– Да то-то и оно, – не менее уныло ответил Савва, – что сроку, считай, вообще не дали. Послезавтра вечером мы должны отдать всю сумму. Если нет, то через два дня нас познакомят с нашими будущими хозяевами.

– А как отдавать собираетесь? – решил все-таки уточнить Владислав.

– Ты пойми, мы влетели только один раз. Мы же все время выигрывали, понимаешь? Это дело нескольких дней, правда! – с жаром принялся объяснять Артем.

Владислав скептически хмыкнул:

– А если влетите во второй раз? Это же не исключено, верно?

– Понимаешь, Владька, здесь ведь дело только в сроках. Нам нужно этим упырям бабки отдать. К тому же – мы ведь не играли в последнее время. Просто не на что было. А появится на что – мы отдадим по-любому. В крайнем случае, перезаймем. Все будет проще, если сроки не будут давить, – вразумительно растолковал Игорь.

– Ладно, мужики, дайте мне время до утра, – неопределенно пообещал Владислав. Сердце снова заняло от радостной надежды, тотчас же нарисовавшейся на лицах друзей, и он предпочел побыстрее скрыться в своем подъезде.

Он понятия не имел, о чем и как он может думать до утра, чтобы все-таки выманить у матери такие огромные деньги и не заставить ее при этом насторожиться. Однако судьба оказалась неожиданно благосклонной – то ли к нему, то ли к его друзьям...

Софья Витальевна сидела на кухне и ждала его: ей не терпелось поделиться радостью. Отношения у них всегда складывались прекрасно: отца своего Владислав не помнил, и мать никогда про того не говорила, поэтому всю жизнь они жили только вдвоем. Даже когда он был совсем мал, мать имела обыкновение рассказывать ему про все перипетии своего бизнеса, а он ей – про свои мальчишеские горести. В результате он до сих пор был вполне в курсе ее дел, и мать любила праздновать свои удачи вместе с ним.

Сегодня был как раз такой день: у нее наметилась весьма серьезная сделка, и она горела желанием похвастаться. С замиранием сердца Владислав узнал, что в ходе сделки у нее на руках будет очень крупная сумма денег, которая пролежит у них дома пару недель. Вообще-то это было не в обычаях Софьи Витальевны, и Владислав даже не очень понял, какой необходимостью вызван такой риск. Главное он услышал: если дать ребятам намного больше, чем они просят, то у них появится возможность сыграть по-крупному и по-крупному же выиграть. И тогда они действительно сумеют отдать долг не только своим «упырям», но и ему – а точнее, его матери. А если обозначить срок возврата в одну неделю, то мать при этом ничего не узнает. Во всяком случае, если их крайне оптимистичные надежды на благосклонность фортуны оправдаются...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.